

Свято-Троицкая **С**ергиева **Л**авра
Московская **Д**уховная **А**кадемия
Администрация **С**ергиево-**П**осадского района

ПРАВОСЛАВНАЯ ГИМНАЗИЯ
имени преподобного **С**ергия **Р**адонежского

СБОРНИК
материалов конференции
«Н.В. Гоголь и Православие»

Выпуск II

Сергиев Посад — 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя
как великого духовного писателя России.*

*Святейший патриарх Московский
и всея Руси Алексий II*

В 2009 году исполняется 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Именно к этой дате была приурочена прошедшая 29 февраля 2008 года в Православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского научно-творческая конференция «Н.В.Гоголь и Православие».

Участники конференции в своих работах рассматривают жизнь и творчество писателя сквозь призму его православного мировоззрения. Основная цель всех работ – раскрытие духовного облика Н.В.Гоголя, глубоко православного русского писателя, жизнь которого была постоянным восхождением к Богу.

Тщательное изучение критической литературы, работ современных исследователей (В.А.Воропаева, И.А.Виноградова, Т.И.Радомской и др.), обращение к Священному Писанию и святоотеческому наследию Православной Церкви способствовало глубокому осмыслению участниками конференции

духовно-нравственных проблем, затрагиваемых Гоголем на страницах произведений. Несомненно, каждый человек, присутствовавший на конференции, открыл для себя нового, ранее неизвестного ему Гоголя.

Нельзя не отметить своевременность, важность и актуальность конференции «Гоголь и Православие», поскольку православное мирозерцание писателя, которое явственно проступает в сочинениях, письмах, свидетельствах современников, многочисленных документах, – ключ к пониманию его произведений.

По словам митрополита Воронежского и Липецкого, «каждому христианину дана возможность просветить свою душу знанием о горнем мире. Надо только стремиться к такому просвещению, не охлаждать сердцем». Будем надеяться, что православный взгляд на русскую литературу станет первым шагом на этом трудном пути.

СВЕТ ДОБРА И ДУХОВНОСТИ.

Очерк жизни и духовные искания Н.В. Гоголя.

Урок-портрет в восьмом классе

Цель: проследить путь духовного становления Н. В. Гоголя, личности ищущей, равнодушной к миру и человеку, оставить в душевной памяти учеников портрет писателя.

*У меня болит сердце, когда я вижу,
как заблуждаются люди. Толкуют
о добродетели, о Боге, а между
тем не делают ничего.*

Из письма Н. В. Гоголя к матери. 1833

1 часть

Человеческий и творческий облик Н. В. Гоголя очень сложен. Поэтому вот уже на протяжении более полутора столетий не утихают споры о «феномене Гоголя», «загадке» его искусства, «тайне» его личности.

На первом уроке по творчеству Н. В. Гоголя знакомлю восьмиклассников с портретами писателя.

— **Чем необычно выражение лица писателя на портрете Н. В. Гоголя работы Ф.Моллера (1841г.)?** Перед вами человек, о котором И. А. Гончаров писал: «... он, смеясь и смеясь, невидимо плакал: оттого в его сатиры и улеглась вся бесконечная Русь своею отрицательною стороною со своею плотью, кровью и дыханием».

«Горьким смехом своим посмеются», — говорил Н. В. Гоголь.

Ему казалось, что художнику Моллеру в этом портрете удалось передать свойственное ему выражение: губы улыбаются, а глаза остаются грустными.

— **В этом же 1841г. портрет Н. В. Гоголя создает известный русский художник А. Иванов. Похож ли этот портрет на предыдущий?**

— **Как вы думаете, какому из этих двух портретов отдавал предпочтение сам Гоголь?**

Сам Гоголь отдавал предпочтение портрету А. Иванова, т. к. А. Иванов изобразил его обыденнее, живее.

Один из современников, встречавшийся с Гоголем в 1851 году, находил, что он был похож более всего на этот портрет. «Его длинные каштановые волосы... спадали ниже ушей... Тонкие, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полные, красивые губы, под которыми

была крохотная эспаньолка. Небольшие карие глаза глядели ласково, но осторожно, не улыбаясь...», — так описывал он Гоголя.

«Это человек необыкновенный, имеющий высокий ум, доброе сердце и верный взгляд на искусство...», — писал о Гоголе Иванов. Художник же порастил Н. В.Гоголя своей беспримерной преданностью к искусству, самоотверженной любовью к своей работе.

А когда Иванов задумал большую картину «Явление Христа народу», Гоголь принимал участие в обсуждении разных вариантов картины. В подготовительных этюдах имеются фигуры с лицом Гоголя. В одном из вариантов Гоголь стоит среди народа с низко опущенной головой. Глаз не видно, во всей фигуре униженность и страх. Это «кающийся» Гоголь.

В тот период писатель обратился к религии, считал себя великим грешником. В законченной картине «Явление Христа народу» Иванов фигуру Гоголя убрал.

А теперь мысленно перенесемся в тот уголок Полтавщины, где посчастливилось провести детские и отроческие годы Гоголю.

Далее рассказываю о детстве, годах учения Н. В. Гоголя

«Старосветский украинский хутор был родиной Гоголя: старосветские хуторяне — его воспитателями», — писал ученый Вас Гиппус в книге, посвященной жизни и творчеству Гоголя.

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта 1809 года в селе Сорочинцы недалеко от Полтавы. Детство будущего писателя прошло в деревне Васильевка в обстановке безбедного быта и родительской ласки.

Судьба с Васильевкой обошлась сурово. Не прошло и четырех десятков лет со дня смерти

жизни Гоголь провел в замечательном городе-Нежине Черниговской губернии. Внук канцлера Екатерины II Александр Кулешев-Безбородько, выпускник Царскосельского лицея, завершил дело своего славного рода. На берегу реки Остер, среди пышного парка белой громадой встало здание Гимназии высших наук князя Безбородько, построенное в стиле классицизма.

Сюда-то из уютной Яновщины в 1821 году дядька привез от добрейших родителей длинноносового, тщедушного мальчика, сразу ставшего предметом насмешек гимназистов. Известны его отчаянные письма первых лет к родителям; *«Папеньке и Маменьке: «Мне после каникул сделалось так грустно, что всякий божий день слезы льются, и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас, то градом так и льются»*, — писал гимназист домой. Ему было больно оттого, что он не ощущал ни тепла, ни любви.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».

2 часть

Истинный христианин Н.В. Гоголь советовал: «Стоит только не смотреть на то, как другие с тобою поступают, а смотреть на то, как поступаешь с другими. Стоит только не смотреть на то, как тебя любят другие, а смотреть на то, любишь ли сам их. Стоит только, не оскорбляясь ничем, подавать первому руку на примирение. Стоит поступать так в продолжение небольшого времени — и увидишь, что у тебя легче с другими, и другим легче с тобой, и в силах будешь точно произвести много полезных дел, почти на незаметном месте.»

Преподаватели гимназий считали замкнутого ученика нерадивым и непослушным. Учился он дурно, особенно, как ни странно, не успевал по всем языкам! Однокашниками, а потом и товарищами Гоголя были одарённые и рано развитые отроки — будущие писатели и государственные деятели — писатели Кукольник, Данилевский, Прокопович (писал церковные книги).

Одноклассник Любич-Романович вспоминал, что насмешки и прозвища «таинственный карл», «пигалица», «мёртвая мысль» разбивались о гимназиста Гоголя, как о скалу. Он умел ответить молчанием, которое стоило ему скрытых слёз. Не отсюда ли знаменитый образ Акакия Акакиевича!

От горячи и обид излечивали Никошу природа и город Нежин, расположенный на берегу реки Остёр. Здесь Гоголь любил слушать садовника Ермила, который рассказывал ему о деревьях и цветах в парке, о казацком Нежине, где правили полковники, лучшие черты которых отразились в образе Тараса Бульбы.

Маленькой радостью для Никоши были

сушёные вишни и любимый грушевый квас. Оставшиеся от самоугощения медяки Гоголь раздавал нищим на папертях церквей.

В Нежинской гимназии Гоголь пережил в 1825 году сильнейшее потрясение — смерть любимого отца. Раскрывая тайник своей души. Он пишет матери незадолго до окончания гимназии: «Я больше испытал горя и нужд, нежели вы думаете... Вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей, глупых, смешных притязаний, холодного презрения... Вы меня называете мечтателем... Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми...»

Вы не могли не заметить, что юный Гоголь душу свою открывает самому любимому человеку — матери. Почему он ничего не скрывает от неё?

«Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними.» (Мф., 7, 12)

В жизни художавого, подвижного мальчика было и немало радостей. В гимназии Н.В. Гоголь много читал. Свои карманные деньги, которых было немного, он тратил на книги, а то, что было невозможно достать или стоило очень дорого — поэмы А.С. Пушкина «Цыганы», «Полтаву», «Братья-разбойники», главы «Евгения Онегина», — по воспоминаниям товарищей, Гоголь тщательно переписывал на самой лучшей бумаге с рисунками собственного изобретения. Мальчики завели свою студенческую библиотеку и в складчину выписывали лучшие современные издания: альманах «Северные цветы», журнал «Московский телеграф», сочинения А.С. Пушкина, В.П. Жуковского. Гоголя выбрали библиотекарем. С юных лет Н.В. Гоголь искренне полюбил народную музыку. Н.В. Гоголь оставил статью о малороссийских песнях, изданных М.А. Максимовичем (М., 1827 год). Он часами слушал задушевные напевы кобзарей, наигрыши лирников и бандуристов. «... песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила... Все они благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Везде новые краски, везде простота и невыразимая нежность чувств.»

В 1943 году немцы при отступлении сожгли городскую библиотеку, заминировали библиотеку пединститута, бывшей Нежинской гимназии. Рискую жизнью, юные патриотки перерезали кабель. В настоящее время в здании гимназии — Государственный педагогический университет имени Н.В. Гоголя. Здесь сохранился дух истории, вечно неутомимой молодой жизни.

В лицейские годы у Гоголя было три желания. Служить справедливости — его первое желание.

чем смутно догадываешься! Найдите их в следующих письмах.

«Дом, в котором оберегаюсь я,— сообщает он матери из Петербурга,— содержит в себе двух портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и, наконец, привилегированную повивальную бабку...»

Сколько здесь иронии! С годами она из произвольного свойства характера перерастала в инструмент писателя-сатирика, служила и средством обличения, и щитом, чтобы прикрывать от внешних неустroенностей и мерзостных проявлений жизни саднящую душу.

«Послушай, брат,— пишет он М. А. Максимоичу, — у нас в душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это черт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее должна быть новая веселость...»

Его ирония здесь звучит почти музыкально. Не замечь ее — не будет Гоголя.

Н.В.Гоголя тревожит полное неисполнение заповедей Божиих в самой повседневной жизни, отсутствие веры в поступках. «Вера без дел мертва». (Иак. 2,26)

«Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя. Ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале. Он посмотрел на себя, отошел — и тотчас забыл, каков он». (Иак. 1, 22- 24)

«У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего», — пишет он матери в 1833 году.

Советуя матери, как следует воспитывать сестру Ольгу, молодой Гоголь пишет следующее: *«Внушите ей правило религии. Это фундамент всего... Не учите ее какому-нибудь катехизму, который тарабарская грамота для дитяти. И это немного тоже сделает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже все непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть как на комедию... Но вместо всего этого говорите, что Бог все видит, все знает, что она ни делает. Говорите ей поболее о будущей жизни, опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных». (Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. т.9. с. 60- 61.)*

В «благословенные годы» юности

Н.В.Гоголь был уверен, что только добрыми делами спасается душа.

Когда Гоголь с другом Александром Данилевским прибыли в Петербург в конце декабря 1828 года, то они поселились на Гороховой улице в доме купца Галыбина. Вскоре друзья переехали в дом аптекаря Трута на Екатерининском канале, затем Гоголь поселился в дом Иоахима на Мещанской улице. В этих домах жили мелкие чиновники, студенты, торговцы, ремесленники, художники, музыканты.

Приехав в Петербург «искать места» чиновника, девятнадцатилетний Гоголь был вдохновлён тайной мыслью: утвердиться на петербургском литературном Олимпе. Уже через два месяца после приезда в северную столицу Гоголь опубликовал (без указания имени) романтическое стихотворение «Италия» (ж. «Сын Отечества и Северный Архив.» т. 2. №12). А в июне 1829 года юный провинциал издал извлеченную из чемодана поэму «Ганц Кюхельгартен», потратив на это большую часть родительских денег. Книга была опубликована под «говорящим» псевдонимом В.Алов. Но надежды не реализовались: отзывы на публикацию поэмы были отрицательными. Потрясенный Гоголь уехал в Германию, однако предварительно забрал в книжных лавках все экземпляры книги и сжег их. Литературный дебют оказался неудачным. Что при этом должен был пережить чрезвычайно впечатлительный юноша, нетрудно догадаться. Денег для первой поездки за границу у него не было: мать с трудом собирала деньги, чтобы уплатить проценты по заложенному имению, а Гоголь растратил эти деньги. Матери он написал покаянное письмо, объясняя свой поступок несчастной любовью, опасной болезнью, только ни словом не обмолвился о поэме: *«Поступок решительный, безрассудный; но что же было мне делать?... Этот перелом для меня необходим... я имею дурной характер, испорченный и избалованный нрав (в этом признаюсь я от чистого сердца)... мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвести силою души в вечном труде и деятельности, и если я не могу быть счастлив (нет, я никогда не буду счастлив для себя...) по крайней мере всю жизнь посвящу для счастья и блага себе подобных»* (24 июля 1829 года, перед отъездом из Петербурга).

Неудача, связанная с публикацией поэмы «Ганц Кюхельгартен», привела к тому, что в душе юного Гоголя рождаются тоска, уныние, отчаяние. Позднее в статье «Об унынии» он написал следующее: *«Уныние одолевает иных тогда, когда почувствуешь свою слабость и бессилие...»; «Уныние есть величайший из грехов, а потому как только одна тень его набегит на*

украинский народ и выжечь Христианские церкви».

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» писатель утверждал мощь человеческого духа, способного обуздать злые силы. В это «православное» время он был счастлив.

Большой интерес у учащихся вызывает рассказ учителя о пребывании Н.В.Гоголя в Сергиевом Посаде, Абрамцево, Хотькове. Это был период напряженных религиозно-философских исканий, работы над вторым томом «Мертвых душ». Впервые писатель посетил подмосковное Абрамцево, принадлежавшее Аксаковым, 14 августа 1849 года, прожил здесь всего четыре дня. Но они были насыщены творческой работой Н.В.Гоголя над начальными главами второго тома поэмы «Мертвые души». В воспоминаниях С.Т.Аксакова сохранилась запись: «Гоголь много гулял у нас по рощам. По вечерам читал с большим одушевлением переводы древних Мерзлякова, из которых особенно ему нравились гимны Гомера».

Вероятно, за несколько дней в Абрамцево Н.В.Гоголь сумел отделать «начисто» первую главу второго тома поэмы. Вечером 18 августа 1849 года, «сидя на своем обыкновенном месте (т.е. в «красной гостиной»», вдруг сказал:

— Да не прочесть ли нам главу «Мертвых душ»?»

Больше часа с четвертью читал Н.В.Гоголь первую главу никому не известного второго тома «Мертвых душ» внимательно слушавшим его хозяевам Абрамцева. На другой день Гоголь вынужден был уехать в Москву, но перед отъездом из Абрамцева «требовал от С.Т.Аксакова замечаний». И последний сразу же написал к нему письмо, в котором «сделал несколько замечаний и указал на особенные, по его мнению, красоты».

Н.В.Гоголь взял с абрамцевских хозяев слово никому не писать и не говорить о прочитанной им главе.

В 1851 году Н.В.Гоголь трижды приезжал в любимое Абрамцево: в июне, в середине и в конце сентября. В последнее свое посещение Н.В.Гоголь, по словам С.Т.Аксакова, «был постоянно грустен... очень было заметно, что его постоянно смущала мысль о том, что мать и сестры будут огорчены, обманувшись в надежде его увидеть». Но и не побывавши на своей родине, великий писатель отдал дань памяти и уважения родным и близким. Первого октября, в день именин матери Марии Ивановны Гоголь ездил к обедне в Троице-Сергиеву лавру, чтобы «помолиться о здоровье матушки».

Вместе с отцом Феодором (Бухаревым), с которым познакомился в 1848 году, Н.В.Гоголь

посетил студентов Московской Духовной Академии. В предисловии к своей книге, вышедшей в 1860 году, архимандрит Феодор рассказывает следующее: «Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: «Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина».

Об этой встрече также рассказывает Василий Крестовоздвиженский, бывший тогда студентом Академии. Его воспоминания были опубликованы в 1860 году в газете «Московские ведомости»: «Не знаем, как теперь, но в пятидесятых годах (1848 - 1852 годах) студенты Московской Духовной Академии с особенною любовью читали и перечитывали сочинения Гоголя; многие «выдержки» из его повестей, особенно из «Мёртвых душ», учили наизусть; а «Ревизора» и «Женитьбу» несколько раз играли в своих комнатах ... 1 октября 1851 года Феодор, подойдя к группе студентов, сказал: «Вы, господа, просили меня представить вас Николаю Васильевичу Гоголю — я исполняю ваше желание». Обращаясь потом к дорогому гостю, он прибавил: «Они любят вас и ваши произведения».

На обратном пути из Троице-Сергиевой лавры Гоголь заехал в Хотьково в Покровский женский монастырь за Ольгой Семёновной Аксаковой. Отсюда он приехал в Абрамцево. Вечером Гоголь был весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева. 3 октября он возвратился в Москву. Вечером того же дня Гоголь пишет письмо матери и сёстрам Анне и Елизавете, которая в этот день выходила замуж: «Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве ... Бог, идеже хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы. В день ваших именин, матушка, молился я у мощей святого Сергия о вас и о всех нас.»

С юных лет Н.В.Гоголю открывалась немеркнущая истина, которую он сформулировал в 1844 году и оставил нам как главный завет: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России».

творческом субъекте: о том, кто воспринимает искусство, — о зрителе, читателе, слушателе. Процесс восприятия искусства — творческий процесс, воспринимающий вступает в соавторство с художником. В немалой степени процесс восприятия произведения искусства есть процесс самораскрытия душевных свойств человека. Воспринимающий проецирует в образную систему произведения искусства то, что заложено в его внутреннем мире. «Во мне, а не в писаниях Монтеня заключено то, что я у него вычитываю», — писал Паскаль и выразил своего рода закон восприятия чужих идей. То есть: что именно окажется сотворенным в душе воспринимающего — зависит в значительной мере от него самого, а не от одного художника. Каков уровень развития читателя — вот сущностная проблема. Там, где художник со всей силой отрицания обращается против порока, выводя на свет созданных своим воображением монстров, там воспринимающий может принять эти образы, напротив, за утверждение нормы. Изображение беса может вести в мир бесовский соблазн независимо от субъективных устремлений художника. Художник может призывать к обнаружению изображаемой страсти в себе, читатель окажется способен видеть то лишь в других».

Иконописец уходит в монастырь. Там на время он отказывается от творчества, желая прежде всего очистить собственную душу от греха, вымолить прощение у Бога. Гоголь многократно выражает желание уйти в монастырь, посещает монастыри, беседует со старцами; по воспоминаниям современников, у него рождается план дописывать второй том «Мертвых душ» в одном из монастырей на Афоне. Писатель также на некоторое время отказывается от искусства, чтобы привести в порядок свое душевное хозяйство.

Профессор В. А. Воропаев в работе «Гоголь над страницами духовных книг» знакомит нас с эпизодом из жизни писателя, посвященным его паломничеству в Святую Землю. Многих современников это очень удивило. «Только через Иерусалим желаю я возвратиться в Россию», — пишет он Надежде Николаевне Шереметевой в январе 1843г.

Пребывание Гоголя в Святой Земле — малоизученный эпизод его духовной биографии. По свидетельству современников, сам он не любил вспоминать о нем. «Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя ... и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное». Что это? Разочарование от поездки или еще более строгие требования к себе?

Интересны воспоминания Варвары Николаевны Репниной-Волконской, которая замечает

перемены в душе Гоголя: «Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством». Сам Гоголь в письме от 21 апреля 1848г. отцу Матфею Константиновскому признается: «Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде». Воропаев утверждает, что «подлинный результат поездки Гоголя в Святую Землю — приобретение настоящего духовного смирения и братской любви к людям».

Иконописец предполагает вернуться к искусству и с новым божественным вдохновением создать произведение, которое **будет возводить людей к Богу** и вызывать молитву. Писатель предполагает во втором томе совершить чудо: мертвые души должны стать душами живыми — преображенными и воскресшими (предполагается, что может возродиться даже Плюшкин).

Иконописец возвращается к художеству и создает в монастыре произведение высокого искусства, которое искупает его грех перед Богом и людьми. «Вся братия поверглась на колена перед новым образом». И здесь появляется единственное и трагичное расхождение с судьбой самого Гоголя. Он создает произведение, перед которым не только «не повергнутся на колена», но которое поссорит Гоголя почти со всем русским обществом. Его не примут ни противники, ни друзья (за редким исключением). В 1847 году выходит книга «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник ... мракобесия», — эти слова из письма Белинского автору «Выбранных мест» помнят, наверное, и сейчас школьники нескольких предшествующих поколений. А ведь совсем недавно «неистовый Виссарион» возводил писателя в ранг «отца русской реалистической прозы». Что могло так взбесить Белинского? В предисловии к «Выбранным местам» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Означало ли это, что Гоголь отрекается от всего, чем так восторгался Белинский? Нет. Просто главным критерием оценки своего творчества писатель считает теперь духовную пользу сказанного им слова. «Обращаться с словом нужно честно, — считает Гоголь. — Оно есть высший подарок Бога человеку». А главный упрек Белинского, что писатель перестает быть спасителем народа от «самодержавия, православия и народности», оценивается теперь именно как высокая степень ответственности за сказанное

«Мирское чувство заставляет нас сожалеть, что, занимаясь устройством собственной души, Гоголь обделил нас радостью эстетического восторга перед новыми его созда-

ниями, из-за этого не написанными. Но искупает все радость надежды на спасение души его». Пожалуй, согласимся с мыслью профессора М.М.Дунаева.

Палагин Дмитрий Юрьевич,
учитель литературы средней школы № 14
г.Сергиев Посад

ПОИСК ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТЯХ Н.В.ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» И «ПОРТРЕТ»

Нет низкого предмета в природе.... В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом: в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло через чистилище его души.

Н.В.Гоголь

Создавая в 1926 экранизацию повести Гоголя «Шинель», режиссёр Григорий Козинцев прибегнул к опыту немецкого экспрессионизма (1910-1916) и воплотил замысел в гофмановской манере (1816-1820). Единственная реальность — наше ежеминутное бытие. Персонажи и вещи ведут двойное существование; насыщенные штрихи и, создаваемые ими деформированные очертания, создают картину мира; сложные конструкции, выстроенные из простых форм, окружают человека. Пожалуй, всё это может быть в полной мере отнесено к творческой манере Гоголя. «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал её перед собой», — так определял свой подход писатель.

«Шинель» и «Портрет»

На первый взгляд, повести объединяет лишь общее место действия — Петербург. Тот самый город, «общее выражение которого», по словам Гоголя, «трудно схватить» («Петербургские записки 1836 года»). Город, в котором человеческие отношения искажены, в котором многое показное и фальшивое, где торжествует пошлость, а талант и вдохновение гибнут.

Два разных человека: художник, обладающий

талантом, и чиновник, настолько невзрачный, что и не определишь сразу, а есть ли в нём что-либо подлинно личное.

Башмачкин — загадка. Ведь единственное, что про него известно — это то, что он маленький. Не добрый, не умный, не городской, Акакий Акакиевич всего лишь представитель рода человеческого, некая биологическая особь, расположившаяся в пространстве северной столицы. И любить, и жалеть его можно только за то, что он «брат твой».

Маленький человек с крошечными запросами. Это ещё не «униженный и оскорбленный», уже не лишний.... Это нечто неопределённое, живущее скромными радостями и маленькими страстями.

Чертков — стеснённый в средствах художник, познавший радость вдохновенного творчества, не чуждый меркантильных желаний, не сумевший спасти своё искусство от денег и торжествующей пошлости.

Два персонажа. Две судьбы. Две мечты,

даль, и видятся вечные подвиги». Это уже не «вечная идея будущей шинели». Вот если бы «стремлящая сила», которая бывает у человека в юном возрасте, смогла бы овладеть Башмачкиным, а для Чарткова стала бы тем, что «убирает всё... до возможнейшей чистоты»¹... Эти мысли нашли отклик во многих произведениях XIX века: портреты генералов на картинках в «Кому на Руси жить хорошо», разрушение личности в «Ионыче», поиск высшего смысла бытия в «Очарованном страннике», облагороженный и новый Башмачкин в «Обломове», разъярённый и протестующий — в «Преступлении и наказании».

Жизнь героев исследована и рассмотрена тщательно. И если в ранних произведениях Гоголя тема денег, золота решена более в моральном контексте (деньги — источник греха, оружие нечистой силы («Вечер накануне Ивана Купалы»), то в «Портрете» и «Шинели» тема наживы приобретает социальное звучание.

Лёгкие деньги, найденные в раме портрета, делают молодого человека «почтеннейшим», а его талант «необыкновенным» и «радующим». Кого? Абсурдный мир получает «художника», способного воспроизвести фальшь и пошлость, придать им товарный вид. А ведь возможным всё это сделал портрет, написанный когда-то «с отвращением» отцом живописца, потребовавший впоследствии «трудом и великими жертвами» очистить свою душу. Творческий порыв уступает место страшному, мстительному «я зашибу их всех, и могу быть славным художником».

Материализовавшаяся шинель тоже позволила Акакию Акакиевичу «усмехаться», глядя на окружающий мир, прежде враждебный и жестокий, и даже чуть-чуть «сибаритствовать», увидеть «какую-то красивую женщину», заметить «вещь вовсе незнакомую». Маленький человек вроде начал подрастать, но... Мечта, определявшая смысл жизни, отобрана; произошла катастрофа, разрушившая жизнь.

А было ли чему разрушаться? Чёрно-белое существование, напоминающее экспрессионизм Эдварда Мунка, переполнилось чёрным. «Душевное хозяйство» не пришло в порядок, испугав «небесную гостью» — мудрость. И не смог «глупейший предмет стать к нему мудрой своей стороной»¹. Неправильное позиционирование в нескладно устроенном мире вернуло Башмачкина в прежнее состояние, в котором *«всем любо слышать стон его сердечной жажды, испытывать на нём ещё неизвестный яд»* (Ш.Бодлер).

Алексей Ремизов отметил у Гоголя дар «озирать всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый миру смех и незримые неведомые слезы». Может быть, в «Шинели» жизнь и не несётся, а, скорее, ныряет в тумане несоответствий, но обидный смех и горькие слёзы видны явно. И в «Портрете» призыв к спасению «чистоты души своей» звучит уже после свершившихся событий. Мысль о том, что художник «и в тревоге дышит покоем», и что нет ничего страшнее страстей, подтверждает гоголевскую позицию: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою». Тогда и суровая святость «сияет светлостью небесного веселья».

Произведения Н.В.Гоголя похожи на антивирусные программы: обнаруживая опасные объекты, они, на первый взгляд, предлагают варианты действий: «уничтожение», «изоляция — карантин», «запрет доступа к файлу» или «отправку на комплексный анализ». Причём в ряду приоритетных действий преобладает именно всесторонний анализ. Ведь в большинстве случаев есть возможность восстановления, а лучше сказать — возрождения погибшего человека. И в этом высокое предназначение литературы. Не случайно же Гоголь дал определение русского писателя: «При одном имени его уже объёмлются трепетом молодые пылкие сердца, ответные слёзы ему блещут во всех очах...».

Примерные вопросы

для письменного опроса

1. Имя главного персонажа (краткий комментарий).
2. Что означает понятие «маленький человек»?
3. Назовите предметы — ключевые (символические) детали.
4. Какие слова повторял Акакий Акакиевич, когда чиновники докучали ему?
5. Есть ли в повести персонаж, напоминающий нам автора?
6. Чем стала шинель для Акакия Акакиевича?
7. Какие персонажи сыграли в жизни Башмачкина судьбоносную роль?
8. Какая фраза в повести «Шинель» произвела на вас особенное впечатление?
9. Определите ваше отношение к Акакию Акакиевичу.

Урок 1. Призрачный Петербург Акакия Акакиевича.

I. Вступительное слово учителя.

— Эх, Петербург! что за жизнь, право! Суп в кастрюльке прямо из Парижа... По улицам курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себе, 35 тысяч одних курьеров! Дом первый в Петербурге. Дом Ивана Александровича Хлестакова... Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне...

Мифический Петербург Хлестакова...

Сказочный (пышный, роскошный) царственный город предстает перед нами в повести «Ночь перед Рождеством», когда кузнец Вакула прибывает ко двору императрицы Екатерины за черевичками для своей возлюбленной Оксаны...

А мы отправляемся в призрачный Петербург, по улицам которого свободно разгуливает нос майора Ковалёва, открывший в себе самостоятельную сущность; безумный чиновник Поприщин воображает себя испанским королём; там ночью оживает таинственный портрет, и ростовщик сходит с полотна, чтобы подвергнуть дьявольскому искушению художника Чарткова, а по городу робко пробирается тишайший Акакий Акакиевич, волею автора в финале повести превратившийся в грозного призрака, мстящего за своё поправное человеческое достоинство.

II. Итак, «маленький человек» Акакий Акакиевич...

— Каков мир «маленького человека» — титулярного советника Башмачкина?

(Человек-тень; человек-невидимка. Акакий — «беззлобный», «незловивый»; Акакиевич —

такой от природы, фамильная черта. Маленький человек — чиновник низшего чина, одинокий, бедный, замкнутый в ограниченном жизненном пространстве. Окружающая действительность кажется ему враждебной и безжалостной.)

— Знал ли он радости в своём покойном, мирном существовании?

(«Жил в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью». «В переписывании бумаг ему виделся «какой-то свой разнообразный приятный мир». Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. «За усердие ему бы полагалась награда, мог бы попасть в статские советники!»)

— Как относились к нему сослуживцы?

(«Не обращали внимания, иногда посмеивались; сторожа не глядела на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха.»)

— Какую фразу произносил А.А., если чиновники мешали ему заниматься своим делом?

(«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»). В этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой.»)

III. «Явление шинели» в жизни Акакия Акакиевича. Метаморфозы, произошедшие с ним

— Кто в повести явился судьбоносным персонажем для А.А.?

(Портной Петрович решил дальнейшую судьбу Башмачкина, подарил ему мечту: «шинель уж, видно, ... придется новую делать.»)

Замечаем, что у портного Петровича имеется табакерка, привлекавшая особенное внимание А.А.: «круглая табакерка с портретом какого-то генерала»; «место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки».

Этот предмет — знаковая деталь, предвестница последующей роковой встречи А.А. с неким «значительным лицом».

— Какие перемены происходят с А.А.?

(Мечта о шинели становится для А.А. смыслом жизни. Это и необходимая тёплая одежда, и способ самоутверждения, и, главное «светлый гость», «приятная подруга жизни». Она укроет от холода, подарит тепло, так необходимое А.А. «Исчезли сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределённые черты. Огонь порою показывался в глазах его, в

VI. Заключение. Слово учителя

Вспомните фразу Н.В. Гоголя: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. «В этих словах щемящая горечь утраты и ещё отблеск особой тайны.

Нет маленьких, ненужных, лишних людей. Каждый по-своему уникален и необходим, в каждом есть искра Божья, высший замысел.

— Было ли предназначение у А.А.?

Вспомним: на его место пришёл новый чиновник — буквы у него «гораздо наклоннее и косее». Скромное предназначение у А.А. — переписывание бумаг. Но и он «брат твой» и «брат мой». У А.А. явится в литературе русской множество «родственников» — «маленьких людей».

Ф.М. Достоевский сказал: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Н.Г. Чернышевский писал, что многие персонажи русских писателей пропитаны запахом «шинели» А.А.

Урок 2. Возвращение Акакия Акакиевича в Петербург в образе призрака...

I. Противостояние Акакия Акакиевича и «значительного лица»

Слово учителя. Город не замечал присутствия А.А., и никто не мог вообразить, что здесь ещё не все об А. А., «что суждено ему несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь» ...

Мы уже определили на прошлом уроке, что роковую роль в судьбе бедного чиновника сыграло некое «значительное лицо».

Посмотрим, как произошла их встреча — встреча, закончившаяся трагически для А.А.

Инсценировка: Башмачкин на приёме у «значительного лица».

— Сопоставим двух персонажей, определим особенности каждого.

Акакий Акакиевич	«Значительное лицо»
есть имя и фамилия	фамилия отсутствует
«маленький человек»	«значительное лицо»
(маленький чин, бедность, одиночество)	(генеральский чин, богатство, известность)
отличительная черта — робость	отличительная черта — «Строгость, строгость и строгость»
ключевая фраза	ключевая фраза «Как вы смеете?
«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»	Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?»

На первый взгляд, это персонажи — антиподы, различие их резко бросается в глаза. Отмечаем, что у «значительного лица» нет фамилии, а следовательно, утрачена его индивидуальность («генеральский чин совершенно сбил его с толку»).

Автор пишет: «Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть». Гоголь в то же время подчёркивает сходство «маленького человека» и «значительного лица». Оба они одиноки, и чин каждого (в одном случае — «титулярный советник»; в другом — генерал: «незначительное лицо», недавно ставшее «значительным») определяет и линию поведения, и характер, и судьбу.

Не личность человека, а ступень на служебной лестнице важна в призрачном Петербурге. У «значительного лица» есть душа, только спрятана она глубоко: «его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться». «Значительное лицо» забыл христианскую заповедь «Я брат твой».

Когда генерал узнал о скоропостижной смерти А.А. в горячке, «он остался даже поражённым, слышал упреки совести и весь день был не в духе».

Но автор (проповедник, наставник) заставляет его пройти тот же роковой круг, который прошёл А.А.

— Что это за круг?

Генерал отправляется на вечеринку к приятелю, пребывает в добром расположении духа, выпивает в компании знакомых «одного и того же чина» два стакана шампанского (как и А. А. в гостях у сослуживца) и возвращается домой. Происходит вторая встреча «значительного лица» с призраком. А.А., «совершенный мертвец», произносит такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да ещё и распёк, — отдавай же теперь свою!»)

— Что изменилось в сознании «значительного лица» после этой мистической встречи?

(«Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчинённым: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чём дело».)

Очевидно, встреча эта оставила след в его сознании, а возможно, и в дальнейшем поведении «значительного лица».

II. Возвращение А. А. в Петербург в образе призрака

— Ваши версии. Точно ли это был А. А.?

(Одни ученики склонны считать, сто писатель-мистик дарит А.А. шанс отомстить «значительному

«И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДВИНЕТСЯ ВПЕРЕД» (Духовные поучения Н.В. Гоголя по книге «Выбранные места из переписки с друзьями» и по письмам писателя)

Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя

Серафим Саровский

Введение

Степан Петрович Шевырев, поэт, критик, профессор словесности Московского университета, современник Н. В. Гоголя, в своей статье «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя», рассуждая о том, почему «Художник, покрытый всеобщей славой в своем отечестве, художник, которого всякая книга разлеталась волшебным по всем концам России, бросает свое искусство, покидает треножник вдохновения и бежит в учителя, хочет быть проповедником, чтобы сказать человеку нужное слово, чтобы позаботиться о душе его и прочном деле жизни», видит причину этого в «пошлости» жизни нашей. Также С.П. Шевырев объясняет это «добросовестностью автора, который берется отвечать за все, в чем даже и напрасно полагает себя совершенно ответственным»

В своих сочинениях Н.В. Гоголь показывал, что не человек плох, а действующий в нем грех. Он верил в силу художественного слова, могущего указать путь к нравственному возрождению. Проходит время, и вот уже писатель понимает: «Простою картиною действительности, оглянутой глазом современного светского человека, никого не разбудишь: БОГАТЫРСКИ ЗАДРЕМАЛ НЫНЕШНИЙ ВЕК».

Не смог «разбудить» свой век Гоголь «Ревизором», не смог — «Мертвыми душами». ... Потому и создал книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». «Боже, как грустна наша жизнь, как жалок человек, который не живет жизнью духа», — казалось, говорил в книге своим современникам писатель.

С тех пор прошло больше 150 лет, и сквозь годы смотрит пристально Гоголь на нас, современников XXI века. Что же видит он? Нет, не «спит» XXI век! А «богатырски» веселится, гуляет, мчится куда-то в грехах и пороках...

Мало думается сейчас о «жизни духа». А как нужно!

Поэтому надо, чтобы знали молодые, что

Н.В. Гоголь не только критиковал русских помещиков и чиновников, но еще этот писатель переживал о том, «что может доставить пользу душе» каждого россиянина, призывал их развиваться духовно, чтобы стать христианами не только по крещению, но и по существу, по их жизни. Писатель давал своим адресатам конкретные советы, как этого достичь, обратился он ко всем читателям, ко всей стране.

Эта тема прослеживается и в письмах Н. В. Гоголя в течение всей его жизни.

Гоголь о духовном возрождении

После представления в 1836 году «Ревизора» в Александрийском театре Н.В. Гоголь подвергает сомнению собственные взгляды. Он полагает, что не знает природу человека вообще и русского человека в частности, что сам он нравственно не совершенен.

В 1840 году душа писателя обращается к своему собственному внутреннему миру. Начинается работа над собой. Духовное возрождение — одна из высших способностей, дарованных человеку, и, по Гоголю, этот путь открыт всем.

«И человечество двинется вперед»

Н.В. Гоголь огромное значение придавал нравственному совершенствованию человека. Он писал в «Завещании»: «Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед.»

Такая программа была поставлена Гоголем, прежде всего, самому себе...

Но «Мертвые души» остались незакон-

трех неизбежных вопросов: в чем состоит его должность, сколько на ней можно сделать добра и сколько зла.»

«А узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей»

Дальнейшее развитие тема поприща получает в главе «Занимающему важное место». Но прежде писатель останавливается на вопросе о нравственной стороне генерал-губернаторского поприща. Первейшей задачей облеченного властью лица Гоголь считает проникновение «в душу человека», ибо «в ней ключ всего». «Душу и душу нужно знать теперь, а без того не сделать ничего. А узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей...».

Предостерегая своего корреспондента от увлечения на новой должности «хлопотливыми обязанностями управителя», «мелочными расходами», он ставит во главу угла заботу о нравственном здоровье общества, об отношении человека к Богу, к закону, к ближнему своему, к самому себе, наконец: «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения... есть дело истинно нужное; но уладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремлении к полному развитию сил его и которые мешают ему пользоваться как дорогами, так и всякими другими внешностями образования, о которых мы так усердно хлопочем, есть дело еще нужнейшее».

То, что мы на нынешнем нашем суконном языке называем «моральным кодексом», «человеческим фактором», а Гоголь — «делом внутренним», выступает у него как неперенная предпосылка осуществления программы реформ общества и человека.

Вторым условием духовного возрождения человека Н.В. Гоголь считал воцерковление русской жизни

А вторым условием для духовного возрождения человека Н. В. Гоголь считал воцерковление русской жизни. В главе «Просвещение» Гоголь писал: «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, — наша Церковь. Уже готовится она вдруг вступить в полные права свои и засиять светом на всю землю. В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему законная и верная дорога».

О том же говорит писатель и в главе «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве»: «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его». Здесь же Гоголь указывает на два условия, без которых никакие благие преобразования в России невозможны. Прежде всего, нужно любить Россию.

Во-вторых, не должно ничего делать без благословения Церкви: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в России, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения».

Все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имеют для Гоголя религиозно-нравственный смысл. Признавая и принимая существующий порядок вещей, он стремился к преобразованию общества через преобразование человека.

Вера писателя в «нравственное начало» русского народа

И все-таки писатель верит в Россию. Во многих главах своей «Переписки» он выражает глубокое уважение к русскому народу. Гоголь вполне искренне предлагает помещику самые добродетельные советы в управлении крестьянами, в сельском суде и расправе, в обхождении с русским мужиком: «Во всех упреках и выговорах, которые станешь делать уличенному в воровстве, лености или пьянстве, ставь его перед лицом Бога, а не перед своим лицом, покажи ему, чем он грешит против Бога, а не против тебя».

О действии правосудия в народе Гоголь такого мнения, что оно «у нас может исполняться лучше, нежели в других государствах, потому что из всех народов только в одном русском заронилась та верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог. Эта мысль как непреложное верование разнеслась повсюду в нашем народе» Потому и верит Н.В. Гоголь в «нравственное начало» своего народа.

В последней главе «Светлое воскресенье» в самых последних строчках, он пишет: «...есть, наконец, у нас отвага, ... сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, ... ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник воскресенья Христова воспризднуется прежде у нас, чем у других. И твердо говорит мне это душа моя...»

Например, письмо, в котором он дает советы относительно воспитания Лизы, младшей сестры: «Знаете ли вы, как важны впечатления детских лет? То, что в детстве только хорошая привычка и склонность, превратится в зрелых годах в добродетель. Внушите ей правила религии. ... Говорите, что Бог все видит, все знает, что она ни делает. Говорите ей поболее о будущей жизни. Ради Бога, говорите ей почаще об этом, при всяком ее поступке, худом или хорошем. Вы увидите, какие благодетельные это произведет следствия».

Другую свою сестру, Марию Васильевну, Гоголь спрашивает: «Приходило ли тебе когда-либо живо в ум, не приступая к молитве, произвести сердечную исповедь? Умеешь ли ты припомнить свои поступки и строго осудить их? Умеешь ли ты во всем обвинить себя, а не других?»

Забываясь о сестрах, Н.В. Гоголь советует: «... Если в ком-либо заметите какое-нибудь хорошее свойство, старайтесь его в ту же минуту усвоить себе».

Много писем адресовано А.О. Смирновой-Россет, которую Гоголь по праву именовал своим другом, она была женой калужского губернатора, и ей как раз писатель посвятил главу «Что такое губернаторша». Гоголь считал, что она на своем месте может принести великую пользу людям: «Вы спрашиваете, нет ли у меня средства для того, чтобы заставить душу пребывать в одном и том же состоянии. Средство это состоит в том, чтобы, оставя на время собственное положение и обстоятельства, как бы они тревожны ни были, заняться положением других, близких нам людей ...».

«Возлюби ближнего своего» — эта мысль постоянно занимала Гоголя. Об отношении к человеку пишет он в письме к Анне Михайловне Вельгоровской: «Наблюдайте святыню со всеми!» Вот что мне сказал один раз один святой отшельник. Я тогда не понял этих слов, но чем далее

вхожу в них, тем глубже слышу их мудрость. Если бы мы подходили ко всякому человеку, как к святыне, то и собственное выражение лица нашего становилось бы лучше, и речь наша ...».

Голос писателя звучит, как колокол вечевой. Своими письмами он хотел помочь исправиться своим современникам, и, наверное, хотел быть услышанным нами, его потомками: «Глядите просто на мир: он весь полон Божиих благодатей... Чего же вам более для возвышения духа? Будьте просто светлы душой, не мудрствуя,» — обращается он к Ольге Сергеевне Аксаковой.

«Принимайте покорно все, что ни посылается нам.... Именем Бога говорю вам: все обратится в добро,» — писал Гоголь С.Т. Аксакову в Рим в 1846 году. Эта же мысль прослеживается и в письме к М.П. Погодину: «Несчастья суть великие знаки Божией любви. Они ниспосылаются для перелома жизни в человеке».

Не ропщите, не жалуйтесь, не унывайте, думайте о душе, о вечном — эти, казалось бы, простые истины завещает нам великий писатель. Жить духовными ценностями — как это просто и как это трудно: именно об этом все его помыслы перед смертью. Об этом его последние письма матери, сестрам: «Вся беда в том, что мы мало заботимся о главном. А если бы прежде подумали о Божеском, отложивши все земное, — само бы собой устроилось земное...».

О земном, о друзьях, о духовном возрождении, о человечестве думал Н.В. Гоголь в своем «Завещании»: «Благодарю вас много, друзья мои. Считаю долгом сказать вам теперь напутственное слово: не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый свое дело, молясь в тишине... Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. **И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДВИНЕТСЯ ВПЕРЕД.**».

Список использованной литературы

1. Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений: в 14 т. — М.-Л., 1937-52.
2. Н.В. Гоголь. Собрание сочинений в 8 т. — М.: Правда, 1984.
3. Сборник «Н. В. Гоголь и Православие». — М.: Отчий дом, 2004.
4. Ю.Я. Барабаш Гоголь: страхи, ужасы и надежды России. — Журнал «Литература в школе», № 4, № 6, 1990.
5. Н. В. Гоголь. Из писем: «Что может доставить пользу душе». Составитель И. Р. Монахова. — М.: Старклайт, 2007.
6. В. А. Воропаев Н. В. Гоголь: жизнь и творчество. — М.: Издательство Московского Университета, 1999.
7. Е. Глинских Гоголь и Белинский: начало спора. — Журнал «Литература в школе», № 1, № 2, 1996.
8. В.А. Воропаев Нужно любить Россию. — Журнал «Русский дом», № 11, 2002.

что в усадьбе Гоголя многое было создано по его вкусу. Н.В. Гоголь сам вычерчивал образцы готических окон и дверей с цветными венецианскими стёклами. По его рисункам была построена звонница у церкви и беседка. Великому страннику, менявшему квартиры, города, страны, не было отпущено времени на спокойную жизнь дома, в котором прошли «благословенные годы» детства и отрочества.

Благодаря подвижничеству, старанию многих людей усадьбу восстановили. Стоят господский дом с восемью колоннами, флигель под соломенной крышей, в саду — беседка и грот.

Николай Гоголь очень любил и почитал своих родителей. Отец, Василий Афанасьевич, получивший образование в духовной семинарии, никаких чинов не выслуживший, был влюблён в сцену. Он мог всё: сочинить пьесу, поставить её, сыграть любую роль. Сколько его сюжетов рассыпалось в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», сколько осколков комедий сохранилось в эпиграфах к ним!

П.П. Кулиш, первый биограф Гоголя, пишет: «Василий Афанасьевич Гоголь, отец поэта, обладал даром рассказывать занимательно, о чём бы ему ни вздумалось, и приправлял свои рассказы врождённым малороссийским комизмом.... Его небольшое наследственное село Васильевка или, как оно называлось истари, Яновщина, сделалось центром общности всего околотка. Гостеприимство, ум и редкий комизм хозяина привлекали туда близких и далёких соседей». Не только отец, но и мать Мария Ивановна любила исполнять роли в спектаклях, которые ставил Василий Афанасьевич в домашнем театре соседа-помещика, дальнего родственника Дмитрия Прокофьевича Трошинского. Несомненно, этот домашний театр видел и Николай Гоголь, а может быть, даже участвовал в представлении. Увлечение театром в детские годы он сохранил на всю жизнь.

А теперь перенесёмся в один из уголков Полтавщины и ближе познакомимся с Марией Ивановной Гоголь. По обычаям того времени она с детства отличалась религиозностью, рано вышла замуж — в 14 лет. Василию Ивановичу, жениху, было тогда 26 лет. Он знал её ещё маленькой девочкой. Она привыкла к нему с детства и по-своему любила его. Брак был счастливым. Особенно трепетно Мария Ивановна любила своего первенца Николая. О любимом муже она всегда вспоминала с нежностью. Семья Гоголей-Яновских была одной из самых счастливых. В семье из семи человек царили взаимопонимание, мир, любовь. После Николая родились четыре девочки: Мария, Анна, Елизавета, Ольга, с которыми старший брат был очень дружен.

Мария Ивановна вспоминала о муже: «В деревне нашей было 130 душ. Я не выезжала ни на какие собрания и балы, находя своё счастье в своём семействе; мы не могли отлучаться друг от друга ни на один день, и когда он (муж) ездил по хозяйству в поле в маленьких дрожках, то всегда брал меня с собою. Если же случалось, что мне надобно было остаться дома, то я боялась за него: мне казалось, что я не увижу его. Мы почти не разлучались до приезда из Петербурга Дмитрия Прокофьевича Трошинского. Он не хотел отпускать нас домой, очень любил моего мужа».

Ей было 34 года, когда умер Василий Афанасьевич. Его внезапную смерть Мария Ивановна переживала тяжело. С ней теперь оставались четыре дочери. Все хозяйственные заботы обрушились на Марию Ивановну. «Я занялась всем по мужской части в поле, — вспоминала она, — считая священной обязанностью сберечь всё для детей, и улучшать, сколько позволяли способы...».

В благословенные детские годы Николай Гоголь постоянно ощущал тепло и заботу любящей матери. И потом, когда покинул родительский дом, он всегда обращался в письмах к ней за советом, делился с ней самыми сокровенными мыслями, искал у самого дорогого человека духовной поддержки. Благодарный сын помогал матери добрым словом. А как трогательно, нежно он называл её в письмах: «почтеннейшая маменька, мой добрый ангел-хранитель»!

Николай очень тосковал о дружной семье, когда в 1821 году поступил учиться в Нежинскую гимназию высших наук. В просторном красивом здании гимназии двенадцатилетний отрок сначала был одинок. О родной усадьбе, родителях, сестрёнках он вспоминал как о рае. Худенькому, некрасивому мальчику сразу дали прозвища «таинственный каря», «пигалица», «мёртвая мысль»! Однако он умел молчать. Это стоило ему скрытых слёз.

В Нежинской гимназии Гоголь пережил в 1825 году сильнейшее потрясение — смерть любимого отца. В письме к матери он сообщал о своих переживаниях, не по-детски серьёзных: «Не беспокойтесь, дражайшая маменька! Я сей удар перенёс с твёрдостью истинного христианина. Правда, я сперва был поражён ужасно сим известием, однако же не дал никому заметить, что я опечален. Оставшись же наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но Бог удержал меня от сего — и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в лёгкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе

свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира. И я осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, издерживающими жизнь так бесплодно».

И снова — в который раз! — он достаёт из чемодана заветную тетрадку, где была переписана поэма «Ганц Кюхельгартен». Гоголю удалось договориться с типографщиком Плющаром, что он напечатает «идиллию в картинках». Но Гоголя ожидали полный провал, катастрофа, развеявшая его мечты и надежды.

«С ужасом осмотрелся и разглядел я своё ужасное состояние, — писал он 24 июня 1829 года матери, — всё совершенно в мире было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны...».

Он решает уехать за границу в Любек, но вскоре, пробыв там всего несколько дней, возвращается в Петербург. Чувством вины и раскаяния проникнуто его письмо из Петербурга матери: «Ах, если бы вы знали ужасное моё положение! Ни одной ночи я не спал спокойно, ни один сон мой не наполнен был сладкими мечтами. Везде носились передо мною бедствия и печали, и беспокойства, в которые я ввернул вас.... Простите, простите несчастную причину вашего несчастья!..».

В душе Н.В. Гоголя рождаются тоска, отчаяние. Позднее в статье «Об унынии» он написал следующее: «Уныние одолевает иных тогда, когда почувствуешь свою слабость и бессилие...»; «Уныние есть величайший из грехов, а потому как только одна тень его набегит на нас, мы должны тот же час прибегнуть к Богу и молиться от всех сил наших!»

В эти трудные дни Гоголь вспомнил про свои успехи на сцене Нежинской гимназии. Может быть, попытать свои силы в этой области? Но его ожидал неудачный дебют.

Однажды он достал из комода переплетённую в твёрдую обложку тетрадь. На её первой странице было написано: «Книга всякой всячины или подручная энциклопедия» с пометой: «Начата в Нежине в 1826 году». В этой необычной «энциклопедии» рукою Гоголя были переписаны украинские

песни, пословицы, поговорки, народные предания и кушанья, описания крестьянских поверий, свадебного обряда. Во всём этом чувствовалась жизнь, задорное кипение народного юмора, искренность подлинного чувства. Припомнился устроитель свадеб в Васильевке Демьян, который знал множество страшных и смешных историй, преданий, поверий об Иване Купале, русалках, старинных обычаях. Припомнились многочисленные сказания о людях, запродавших свою душу чёрту. Постепенно появлялись первые рассказы «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Майская ночь».

У него возникла мысль о том, чтобы про всё рассказывал сельский дьячок. Было бы смешнее и правдоподобнее. Он написал матери следующее: «Почтеннейшая маменька, мой добрый ангел-хранитель, теперь вас прошу сделать для меня величайшее одолжение. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и права малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажитесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапог... равным образом название платья, носимого крестьянскими девочками до последней ленты; также нынешними замужними и мужиками». Так родились «Вечера на хуторе близ Диканьки», так ожил сельский дьячок — Фома Григорьевич. Первая книга «Вечеров...» вышла в свет в начале сентября 1831 года.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» утвердили литературную известность Гоголя, получили горячее одобрение самого Пушкина: «Сейчас прочел «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился.» Н.В. Гоголь счастлив. Его душевное самочувствие напрямую зависело от успеха творческого труда.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» писатель утверждал мощь человеческого духа, способного обуздать злые силы. В это «благословенное» время он был счастлив.

Список использованной литературы

1. Аксаков С.Т. Собр. Соч.: В 3т. — М., 1986.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М., 1989.
3. Гиппиус В.В. Гоголь: Зеньковский В.Н. Гоголь. — СПб, 1994
4. Гиппиус В.В. от Пушкина до Блока. — М. — Л.: Наука, 1966
5. Глянец В.М. Гоголь и апокалипсис. — М: Изд-во ЭЛЕКС-КМ, 2004
6. Гоголь в воспоминаниях современников. — М., 1952
7. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. — М., 1996
8. Мифологический словарь. — М., 1990
9. Полный церковнославянский словарь, 1993
10. Переписка Н.В. Гоголя В 2т. — М., 1988.
11. Полторацкий А. Юность Гоголя. — Л.: Сов. писатель, 1960
12. Соловьев Вл. Соч.: В 2т. — М., 1988.

1.2. Образ Башмачкина и мотив пошлости в повести «Шинель».

О чем скорбит и кому сострадает Гоголь в своей повести?

Чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин служит в одном из департаментов Петербурга. Автор, рисуя портрет героя, подчеркивает его ничем не примечательную внешность: «...низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат...». И этот человек самой скромной внешности занимает самую скромную должность: он переписывает деловые бумаги. Но как переписывает! «Мало сказать, он служит ревностно, — нет, он служит с любовью. Так в этом переписывании ему видится какой-то разнообразный и приятный мир», — пишет Гоголь. Мы видим, что для Акакия Акакиевича эта деятельность была источником наслаждения, радости, утешения, даже, можно сказать, вдохновения; она «является для него почти «религиозным» служением и доставляет едва ли не духовное утешение», — считает И.А. Виноградов в статье «Я брат твой...»³.

Примечательны детали портрета героя в момент «творческого акта»: «...некоторые буквы у него были фавориты, до которых, если добирался, был сам не свой: и посмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило его перо»⁴.

Вся жизнь, весь ее смысл, все силы души героя сосредотачиваются на его занятиях копииста — переписчика: «Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выведенные строки»⁵.

«Эта почти религиозная сосредоточенность Башмачкина на своем ничтожном деле виделась Гоголю отнюдь не просто комической чертой характера, но осмыслялась куда серьезнее — как извращение присущей каждому человеку способности к самоуглублению, к творчеству», — пишет И.А. Виноградов⁶.

Гоголя в «Петербургских повестях» интересует проблема таланта, его расцвета или гибели в душе человека. В «Шинели», рассматривая самоотверженную любовь героя к своему должностному занятию, Гоголь говорит нам о гибели в Акакии Акакиевиче таланта «художника» не в собственном значении этого слова, а в смысле способности человека к «искусству», самоотверженному служению в своей сфере деятельности.

Тема долга является ключевой для замысла «Шинели». «Долг — Святыня, — замечал Гоголь в отдельном наброске. — Человек счастлив, когда исполняет долг»⁷. Сам Николай Васильевич с юности возгорелся ревностью к службе на благо

Отечества. С этими благими мыслями он покидал Нежинский лицей и направлялся в северную столицу

После долгих мытарств в поисках места службы юноша был принят в Департамент уделов, где, начиная с сентября 1829 года, он осваивает канцелярскую науку. Впечатления внимательного молодого человека от своих должностных занятий и общения с сослуживцами послужат ему тем бесценным материалом, на основании которого позднее будет сделан важнейший вывод о роли и значении деятельности государственного служащего.

В статье «Петербургская сцена в 1835-36 гг.», написанной в 1836 году, говоря о героях, заслуживающих обличения на русской сцене, Гоголь упоминает о чиновнике канцелярии, который вместо того, чтобы исполнять священную обязанность, наложенную на него должностью, думает только о том, чтобы красиво была написана бумага⁸.

Таким образом, в «Шинели», как и в других творениях Гоголя, где речь идет «об оскудении и извращении души, о ничтожестве и пустоте ее движений при наличии других сил, могущих поднимать человека, сильным аккордом звучит **мотив пошлости**. «Всюду, где речь идет о пошлости, — пишет о. Василий Зеньковский, — слышится затаенная грусть автора, — если не настоящие «слезы сквозь смех», то скорбное чувство трагичности всего, к чему фактически сводится жизнь человека, из чего она складывается»⁹.

И поэтому совсем неудивительно, что шинель, на которую долго копил Башмачкин, отказывая себе в необходимом и даже порой голодая, и которая после ее приобретения стала для него «приятной подругой жизни», «женой», стала единственной целью и тем «высоким» смыслом, озарившем столь жалкую, ограниченную, пошлую жизнь героя. Так родилась самая главная страсть в жизни Башмачкина — страсть к вещи, которая и определила название повести.

И когда в результате известного трагического случая шинель исчезает, это событие становится вполне объяснимой причиной его смерти, ибо справедливы слова Спасителя во все времена: «Где сокровища ваши, там и сердце ваше» (Мф. 6, 21).

В 1847 году, при жизни Белинского, увидевшего в образе Башмачкина тип социально-угнетенного «маленького» человека, критик Аполлон Григорьев в своем труде «Гоголь и его последняя книга.» писал: «...в образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмеления Божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя до того, что шинель

ковский Макарий в письме своей духовной дочери утверждал, что «любить ближнего нужно не языком, а делом»¹⁸. Он же пишет: «Какой бы лед не был в сердцах людских, любовь, как солнце, все растопит».

Гоголь, по воспоминаниям товарищей по Нежинской гимназии, с большим вниманием относился к бедности, очень переживал, встречаясь с нею, всегда подавал милостыню, проходя мимо нищих, отказывая себе в любимых лакомствах.

По приезде в Петербург в конце 1829 года он сам испытал сильную нужду из-за столичной дороговизны и зимней стужи. В письмах к матери он скорбел о высоких ценах за квартиру, на одежду; в одном из писем была упомянута шинель, которую необходимо было переделать, заменить воротник. «Эти впечатления явились тем бытовым, житейским материалом, который был использован Гоголем при изображении тяжелого материального положения своего героя», — пишет И. А. Виноградов в статье «Я брат твой»¹⁹.

Позже, уже будучи известным писателем и продолжая испытывать финансовые затруднения, в 1844 году он выделил деньги, вырученные от продажи «Сочинений» бедным студентам Петербургского и Московского университетов. Оставшееся после смерти Гоголя личное его имущество состояло из нескольких десятков рублей серебром, книг и старых вещей, а между тем созданный им фонд «на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукой и искусством», составлял более двух с половиной тысяч рублей.

В духовной зрелости Гоголь, изучая творения святых отцов Церкви, приходит к пониманию, что одной внешней помощи человеку бывает недостаточно. «Любовь... велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим, она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его теле, но и душе...»²⁰ — пишет Гоголь в «Правиле жития в мире».

Комментируя эти высказывания, И.А.Виноградов пишет: «Проблему оказания душевной помощи современнику — проблему возрождения его мертвой души Гоголь непосредственно связывал с служением Отечеству — на конкретном должностном месте каждого...» В конечном счете исполнение служебных обязанностей — в их подлинном, не подмененном мертвой бумажной перепиской, — решило бы, по Гоголю, и проблему шинели, проблему материального достатка»²¹.

Представитель революционно-демократической критики, Н.Г.Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?», оправдывая Акакия

Акакиевича, писал: «...вся беда его приписывается бесчувствию, грубости людей, от которых зависит его судьба»²². Но позиция Гоголя, человека глубоко верующего, воцерковленного, «идущего и в жизни, и в творчестве самым трудным, самым сложным путем — путем очищения, восстановления в себе образа Божия»²³, совсем не совпадает с мнением радикального критика. Неблагополучие социальной среды — якобы единственной виновницы в произрастании «современных идиотов» — Гоголь объяснил не влиянием... злонамеренных лиц, но видел в этом проявление присущей каждому человеку общей греховности человеческой природы — неблагоприятного состояния души каждого из членов этой среды. «Утопическим упованиям на социальные реформы и революции Гоголь противопоставлял трезвое понимание необходимого духовного воспитания каждого члена общества»²⁴ — делает важнейшие выводы И.А.Виноградов, раскрывая подлинный смысл повести «Шинель» каждому читающему и думающему современнику. «Нет уже старого самодержавия, а самовластие по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»²⁵ — рассуждает философ Н.А.Бердяев в статье «Духи русской революции».

Сколько пережила Россия революций и социальных реформ, сколько видела и великого человеческого страдания, переживает она и сейчас совсем не простое время.

И сегодня, как никогда, актуальны проблемы, поднятые Гоголем в своей последней повести, потому что не исчезает «неблагополучное состояние среды» из-за состояния души каждого из нас и нашего отношения к своим должностным обязанностям. С особой, набатной силой звучат сегодня, в эпоху глубокого нравственного кризиса в России, слова Н.В.Гоголя: «Нужно вспомнить человеку, что он высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство»²⁶.

Человек, просветленный Божественной истиной и осознавший смысл своей земной жизни, дорожит сокровищами своей души, среди которых любовь к Богу и ближнему своему и жертвенное служению Отечеству.

Позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь задаст насущный вопрос: «Но как полюбить братьев, как полюбить людей? — Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного!»²⁷. Любовь — это огонь, это пламя, охватившее сердце человеческое, и рождается она

Достойный ученик своих великих учителей, Гоголь подвигом своей жизни и творчества сумел повернуть русскую литературу от «эстетики к религии», тем самым освятив ее вечными Евангельскими истинами. Повесть «Шинель» обозначила новое направление в

развитии словесного искусства, призвала его на путь воспитания в обществе таких основных христианских добродетелей, как сострадание и любовь к ближнему. Это в высшей мере оценил Ф.М.Достоевский, когда сказал: «Мы все вышли из Гоголевской «Шинели».

- ¹ Анненков Т.В. Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 г. Русская литература XIX века. М. 1981, стр.158-159.
- ² Золотусский И.П. Гоголь. М. 1984, стр.10, 293.
- ³ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001., стр. 217.
- ⁴ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 530.
- ⁵ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 531.
- ⁶ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001,стр. 217.
- ⁷ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. Санкт-Петербург. 2007, стр. 317.
- ⁸ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 217.
- ⁹ Дунаев М.М. Православие и литература. Том 2. М. 1996, стр. 116.
- ¹⁰ Дунаев М.М. Православие и литература. Том 2. М. 1996, стр. 130.
- ¹¹ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. Санкт-Петербург. 2007, стр. 118.
- ¹² Дунаев М.М. Православие и литература. Том 2. М. 1996, стр. 132.
- ¹³ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 530.
- ¹⁴ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 133.
- ¹⁵ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 219-220.
- ¹⁶ Творения святителя Тихона Задонского, Том 1. М. 2004, стр. 492.
- ¹⁷ Творения святителя Тихона Задонского, Том 1. М. 2004, стр. 494.
- ¹⁸ Митрополит Московский Макарий «Письма к духовной дочери», стр. 25.
- ¹⁹ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 215.
- ²⁰ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. Санкт-Петербург. 2007, стр. 456.
- ²¹ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 221.
- ²² Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 228.
- ²³ Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя. В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 249.
- ²⁴ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 228.
- ²⁵ Бердяев Н.А. Духи русской революции. Литературная учеба. Книга вторая. 1990, стр. 126.
- ²⁶ Виноградов И.А. «Я брат твой» О повести Н.В. Гоголя «Шинель». В сб.: Евангельский текст в русской литературе 19-20 веков. Петрозаводск. 2001, стр. 228.
- ²⁷ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. Санкт-Петербург. 2007, стр. 202.
- ²⁸ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. Санкт-Петербург. 2007, стр. 134.
- ²⁹ Священник Андрей Горбунов «За всех и за вся» М. 2006, стр. 14.
- ³⁰ Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 2х томах. Том 1. Москва-Киев-Париж. 2002, стр. 545.
- ³¹ Данильцева З.М. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель». Литература в школе. 2004 №4, стр. 37.
- ³² Золотусский И.П. Гоголь М. 1984, стр. 125.
- ³³ Священник Андрей Горбунов «За всех и за вся» М. 2006, стр. 75.
- ³⁴ Священник Андрей Горбунов «За всех и за вся» М. 2006, стр. 75.

Глава II

Тот самый роковой портрет...

ПОРТРЕТ –

1. Изображение, какого— либо человека на картине или фотографии.
2. *перен.* Описание внешности персонажа в литературном произведении. (6, 556)

Автор назвал свою повесть «Портрет». Потому ли, что портрет ростовщика оказал роковое влияние на жизнь и творчество его героев-художников, судьбы которых сопоставлены в двух частях повести? Или потому, что Н.В. Гоголь хотел показать портрет современного общества и талантливого человека, который гибнет или спасается вопреки враждебным обстоятельствам и унижительным свойствам натуры? Или же это портрет искусства и души самого писателя, пытающегося уйти от соблазна успеха и благополучия и очистить душу высоким служением искусству?

В «Портрете» автор размышляет об истинном назначении художника и о влиянии искусства на общественные нравы.

Наверное, есть в этой странной повести и социальный, и нравственный, и эстетический смыслы, есть размышление о том, что такое человек, общество, искусство. Современность и вечность сплетены здесь так неразрывно, что жизнь русской столицы 30-х годов XIX века восходит к библейским размышлениям о добре и зле, об их бесконечной борьбе в человеческой душе.

Трагическая история художника Чарткова началась перед лавочкой на Щукином дворе, где среди множества картин, изображающих мужичков или ландшафтики, он разглядел одну и, отдав за неё последний двугривенный, принёс её домой. На картине было изображено лицо «с отпечатком южной физиогномии». Это лицо поражало язвительной улыбкой; на нём застыло беспокойное, злобное выражение и вместе с тем страх. Но особенно всех поражали глаза. Они были велики, черны, тусклы. Самое же странное и пугающее в них — сочетание жизни и смерти. Они глядели мертвенно и вместе с тем живо, как будто в них чудесным образом была не только часть духовной, но и биологической жизни. Они проникали внутрь человека и заставляли его вскрикнуть от страха и ужаса.

Детальное описание портрета, и прежде всего глаз, необходимо Н.В. Гоголю не для нагнетания страха и ужаса. Писатель вновь и вновь ставит проблему творчества. Есть искусство подражательное. Природа, натура для него — и источник вдохновения, и объект изо-

бражения, подражания. В определённой мере художник становится в этом случае соперником природы, пытаясь живописными формами передать её формы. Тем самым он вступает в соперничество не только с природой, но и с Творцом, как бы желая поставить себя на Его место (по принципу: я тоже так могу; или даже я могу ещё лучше).

Глава III

Роковые метаморфозы художника Чарткова

Одним из героев повести «Портрет» является молодой художник Чартков, которого мы встречаем в тот момент его жизни, когда он с юношеской пылкостью любит высоту гения Рафаэля, Микеланджело, Корреджио и презирает ремесленные подделки, заменяющие искусство обы- вателю.

В начале Чартков — «художник с талантом, пророчившим многое», с осуждением думает о картинах, выставленных в лавке. Для него они являются ярким примером «унижения искусства», он не видит в них ни капли порыва, вдохновения; их кистью водила, думает он, «какая-то приобыкшая рука, принадлежащая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку». Герой в этом эпизоде предсказывает свою творческую судьбу: незаметно для себя он даёт точную характеристику собственным произведениям, которые он напишет скоро, став богатым и знаменитым художником.

И вот среди всего скопления бездарных работ Чартков смог найти что-то ценное, уникальное, то, что смогло поразить художника. Это была яркая картина, по которой можно было понять личность автора, его неповторимость и загадочность.

«Зачем я её покупаю? На что она мне?» — спрашивает себя герой, но всё равно, как ошеломлённый, достаёт из кармана деньги и расплачивается с торговцем за картину, которая в корне меняет жизнь Чарткова и становится причиной её трагической развязки.

Что же было изображено на картине, если она привела к таким страшным последствиям? Это был портрет ростовщика с «убийственным», по определению писателя, взглядом, который заключал в себе нечто магнетическое, сверхъестественное, он пронзал даже простыню, которой закрыл портрет Чартков вечером у себя на квартире. Глаза эти продолжали преследовать героя и перед кончиной: в предсмертном безумии ему мерещился злополучный портрет и чудились живые, страшные глаза.

Профессор, преподаватель Чарткова, предо-

той многофигурной исторической картины-итога, которую вся русская живопись XIX века осознавала в качестве своей сверхзадачи.

«Последний день Помпеи» производит фурор — как на родине мастера, так и за рубежом. В Италии и Франции картину приветствуют как первый триумф русской художественной школы. Н.В. Гоголь посвящает ей одноименную восторженную статью (1834г.), назвав ее «полным, всемирным созданием», где «все отразилось», — отразилось в образе «сильных кризисов, чувств, целой массой».(7)

Глава V

«Твой путь чист, не совратись с него...»

Соседство первой и второй частей повести Н.В. Гоголя «Портрет» призвано убедить читателя в том, что зло способно овладеть любым человеком независимо от его нравственной природы.

Отец художника Б. вначале мечтает заполучить ростовщика в качестве натурщика для своей картины. Именно в этот момент появляется «страшный сосед», желающий увековечить себя в живописи. Перед началом работы художник поминает «чёрта», затем у него появляется сомнение: «Если я хотя вполтину изображу его так, как он есть теперь, он убьёт всех моих святых и ангелов; они побледнеют перед ним. Какая дьявольская сила! Он у меня просто выскочит из полотна, если я хоть немного буду верен натуре...» (3, 527). Когда художник заканчивает отделку глаз и бросает на портрет взгляд со стороны, он видит весь ужас содеянного и, пытаясь хоть как-то загладить свою вину, отказывается закончить свою работу. Но уже слишком поздно — портрет начинает жить отдельно от создателя, своей собственной жизнью.

Художник, прикоснувшийся ко злу, написавший глаза ростовщика, которые «глядели демонски-сокрушительно», уже не может изображать добро, кистью его водит «нечистое чувство».

Все люди, связанные с ростовщиком в реальной жизни, гибнут, изменив лучшим свойствам своей натуры.

Портрет ростовщика отнимает у людей радость жизни и пробуждает «тоску такую... точно как будто бы хотел резать кого-то».

Набожный художник дважды исповедуется священнику, но это приводит к трагическим событиям: гибнут жена и сын. Отец художника Б., искупая зло, которое он совершил, уходит в монастырь, становится отшельником и достигает той высоты духовной, которая позволяет ему написать «Рождество Иисуса». Но восхождение к добру, требующее от человека суровых жертв, воспринимается в повести не как проявление, а как

подавление натуры. Дьявол или Бог царствуют, по Н.В. Гоголю, в душе человека, натура которого открыта и добру и злу. Недаром настоятель монастыря, поражённый «необыкновенной святостью фигур» в картине «Рождество Иисуса», говорит художнику: «Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину; святая высшая сила водила твоей кистью и благословение небес почilo на труде твоём».

Наставление, которое даёт художник своему сыну Б., ободрённому радостной надеждой на путешествие в Италию, выдержано в тонах «Нагорной проповеди» Христа и по стилю, и по смыслу: «Твой путь чист, не совратись с него... Талант есть драгоценнейший дар Бога — не погуби его» (3, 533).

Гимн искусству у Н.В. Гоголя окрашен религиозно: «Намёк о божественном, небесном заключён для человека в искусстве, и потому одному оно уже выше всего... Всё принеси ему в жертву и возлюби его всей страстью, не страстью, дышащей земным вожделением, но тихой небесной страстью. Ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства» (8). Такова эстетическая программа Н.В. Гоголя, окрашенная идеей религиозного служения художника и утверждением его как лица священного. Н.В. Гоголь убеждён, что человек по натуре грешен и что мучительно и тяжело восхождение его по лестнице чистилища.

Известно, что писатель восхищался «Божественной комедией» Данте, идеи Данте просматриваются и в повести «Портрет» (в образе отца художника Б.):

Идея искупления греха через очищение очень важна для Н.В. Гоголя. Однако в своих произведениях автор отступает от намеченной программы. Повесть «Портрет» не несёт успокоения, показывая, насколько все люди подвержены злу. Н.В. Гоголь, переделав финал повести, отнимает надежду на полное искоренение зла. В первой редакции облик ростовщика таинственно испарялся с полотна, оставив чистым холст. В окончательном тексте портрет ростовщика исчезает: зло опять пошло бродить по свету.

телем: он определяет судьбы героев, участвует в построении сюжета — так он осуществляет авторский выбор.

Мы поразились, насколько Н.В. Гоголь был прозорлив, как глубоки его рассуждения

о влиянии творчества на нравы людей. Фантастический сюжет помог писателю ярко и зримо раскрыть читателю своё представление о силе искусства и особом духовном назначении художника.

Список использованных источников и литературы

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: т.6, М., 1953-1956 г.г.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: т.1, М., 1953-1956 г.г.
3. Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах; т.1, М., 1973г.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: т.9, М.1994 г.
5. Машковцев Н. «Гоголь в кругу художников», М., 1955 г.
6. Ожегов С.И. Однотомный толковый словарь современного русского литературного языка. М., 1968г., с. 556
7. «Энциклопедия Кирилла и Мефодия», М., 2006г. — электронное издание
8. www.nesusret.narod.ru/ico/books/lepahin2/googol.htm
9. www.mlis.ru/metodika/prepod/lessons/19_gogol—petesburg/portret1

*Платонов Сергей,
учащийся 11 класса средней школы № 22
г. Сергиев Посад*

СИМВОЛОТВОРЧЕСТВО Н.В.ГОГОЛЯ В КОМЕДИИ «РЕВИЗОР»

*И особенно был силен этот
апокалиптический слух у Гоголя...*

Г.Флоровский

Введение

Комедия Н.В.Гоголя «Ревизор», премьера которой состоялась 19 апреля 1836 года, вот уже более ста семидесяти лет входит в репертуары ведущих театров России.

Несколько поколений талантливых режиссёров и актёров обращались со сцены к своим зрителям, чтобы вместе с ними постичь глубину творческой мысли Гоголя, направленную на преодоление греха в душе каждого человека.

По воспоминаниям отдельных актёров, первых исполнителей ролей в комедии «Ревизор», они ощущали загадочность этой пьесы, подчас недоумевая по поводу сценических образов.

Растерянность артистов, негодование Гоголя после премьеры в Александринском театре, разноречивые мнения критиков — всё это свидетельствовало о необычности этого произведения для русской сцены. Немудрено, что тогда,

в 1836 году, мало кто мог вместить «Ревизора» во всей его полноте и многогранности.

Для осмысления комедии потребовались комментарии автора, его письма, исследования специалистов. И если революционной демократической критикой был раскрыт лишь один аспект комедии — социальный, то сегодня, когда творческое наследие Гоголя раскрывается нам во всей глубине, должно говорить о духовном смысле «Ревизора», который раскрывается нам постепенно, по мере восхождения души человека к свету, к истине, к Богу...

1. Символотворчество Гоголя в комедии «Ревизор»

1.1. Премьера и «Ревизора» и личная трагедия автора

У освящённого подъезда Александринского театра было оживлённо: дежурили не одни

ческие разоблачения, и обличение нравственности — и всё справедливо, только *пророческие слова против богоотступничества человека* не захотели услышать, даже самому автору не поверили, когда решил он объясниться», — пишет в книге «Православие и русская литература» М.М.Дунаев (8, 138-139).

1.3 «Душевный город» в пьесе «Ревизор»

По мнению И.А.Виноградова и В.И.Воропаева, Гоголь является «лучшим комментатором своих произведений», и надо с «доверием» относиться ко всем авторским пояснениям (2, 21).

Сам город, в каком разворачивались невероятные события комедии нереален, нереалистичен, в чём сам автор признался позднее в пьесе «Развязка Ревизора»

(1846): «Всмотритесь-ка пристально в этот город, который был выведен в пьесе! Все до единого согласны, что этого города нет во всей России: не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды: хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Словом, такого города нет. Не так ли? Ну а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?» (8, 138).

Это признание автора позволяет нам сделать вывод о том, что перед нами — символическое произведение. За конкретными событиями пьесы и её образами, составляющими видимый план комедии, стоят вечные духовно-нравственные понятия. «И если уездный город N истолковывается как «душевный город», то его чиновники воплощают бесчинствующие в нём «страсти», а ревизор — это наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг разом взглянуть во все глаза на самих себя» (6, 431).

Провинциальный город N в комедии Гоголя, действительно, являет собой ужасающую картину нравов и обычаев. («На улицах кабак, нечистота», — говорит сам городничий). Чиновники, эти почтенные отцы города, призванные осуществлять достаточный уровень гражданского благосостояния, давно попрали все богоустановленные законы человеческого общества и заботятся только о своём благополучии.

Гоголевские персонажи, нарушающие заповеди Божьи, духовно безобразны и безнадёжно пошлы. «Пошлость для Гоголя есть понятие прежде всего религиозное, свидетельствующие об оскудении и извращении души; о ничтожности и пустоте её движений при наличии иных сил, могущих поднимать человека» (8, 116). Пошлость губительна для человека, она уничтожает в нём образ Божий и губит его бессмертную душу.

1.4 Хлестаков: образ или идея? Гипотеза Чижевского.

Следствием богоотступничества человека является его приобщение к другому источнику. «Похоже, Гоголь так и считал, что пошлые мысли и душевные движения внушены человеку «нечистым» (7, 59).

По подсчётам некоторых исследователей, персонажи пьесы часто упоминают имя «нечистого»: слово «черт» появляется в тексте 42 раза! Дух «дьявола», «чёрта», «лукавого», «беса» невидимо витает над городом, вселяется в души чиновников, страх ослепляет глаза, отнимает разум («И руки дрожат, и всё помутилось», «Точно туман какой-то ошелолил, черт попутал»).

В такой душной атмосфере нравственной нечистоты и страха перед возмездием за совершаемые преступления (написан же Закон Божий на скрижалях сердца каждого человека), возможно появление и других пороков, которые и воплощает в себе Хлестаков. Этот образ — смысловой центр «Ревизора», сам Гоголь не раз настаивал на его особой значимости в раскрытии идеи этой комедии.

Некий молодой человек, оказавшийся в затруднительном финансовом положении и по причине этого задержавшийся в известном нам городе, в начале пьесы никем другим, как самим собой, т.е. Иваном Александровичем Хлестаковым, и не представляется. «Роль ревизора из Петербурга — следствие ошибок чиновников — активно навязывается ему извне» (7, 54), «...он вовсе не мошенник и никого не обманывает. Он сам обманут. Его обманули Городничий с присными» (8, 142).

А дальше — человек, которого принимают за ревизора (о чём он, конечно, не догадывается), плывёт по течению и, обладая необыкновенной лёгкостью в мыслях, свободно подчиняется обстоятельствам.

Гоголь находит сценические движения в неожиданностях самих характеров персонажей, в многогранности человеческой души. «Только человеческая душа даст ему материал для сценического развития фабулы. Углубляясь в определённые характеры, великий комик находит в них такие неожиданности, которые поражают и наполняют душу художника таким радостным волнением, что он с непоколебимой убеждённостью пользуется ими для сценического движения комедии», — писал в 1909 году известный русский режиссер В.И.Немирович-Данченко.

Священник Николай Булгаков в своём «Этюде о Хлестакове», называет его «человеком — юлой», «человеком — воздушным шаром», огромным снаружи и совершенно пустым внутри, надутым ленью, гордостью, желанием занимать наиболь-

внезапно все покровы быта и обнаруживает единую человеческую *душу* в её огромном потрясении: она, застигнутая Богом врасплох и не приготовленная к встрече с Ним, уже не в силах ничего исправить или изменить. Об идее неизбежного духовного возмездия Гоголь напоминал и в «Петербургских записках 1836 года», рассказывая о спокойном и грозном Великом посте: «Кажется, слышен голос: «Стой, христианин, оглянись на жизнь свою» (7, 655).

Эта тема всегда была близка писателю, обладающему обостренным религиозным чувством. Сохранилось воспоминание Гоголя о пережитых и незабываемых им мгновениях детства, когда он из уст матери услышал рассказ о Страшном Суде. В одном из писем, адресованных матери, Гоголь пишет, что это впечатление «заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие чувства» (7, 114).

2. Идея «служения» России, или непризнанный пророк

С ранней юности Гоголя увлекала идея «служения» России, он всегда хотел активно действовать и творчески преображать русскую жизнь. В «Ревизоре» автор скажет: «Это было моё первое произведение, замышлённое с целью произвести доброе впечатление на общество» (10, 17).

«Это было его первое публичное объяснение с той частью нации, в жизни которой театр играл не последнюю роль. Театр для Гоголя был той кафедрой, с которой он мог говорить и с царём, и с министром, и с чиновником. «Русский мир причудливо смешивался в театре и являлся в своём многообразии, в том числе в многообразии мнений» (9, 201).

Гоголь обращается ко всем и к каждому. Именно в этом и заключается социальное значение «Ревизора». Необходимо было устремить зрителя не на «порицание действий другого, но на созерцание самого себя» (из писем к Жуковскому от 10 января 1848 года) — в этом смысл обращенной к залу знаменитой реплики Городничего: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!»

В тот апрельский вечер 1836 года Гоголь видел своего зрителя, следил за его реакцией, слышал смех, иногда возгласы возмущения. Но того, что он ожидал, не произошло... «Гоголь был глубоко потрясён тем, что всё ограничилось художественным успехом «Ревизора», — ему явно был нужен от искусства не только художественный успех, но... ещё некое *магическое* влияние на русское общество», — писал протоиерей Василий Зеньковский (13, 90).

«Нельзя ли предположить, что Гоголь

рассчитывал, может быть полусознательно, что «Ревизор» произведёт какое-то *немедленное* и решительное действие? Россия увидит в зеркале комедии свои грехи и вся, как один человек, рухнет на колени, зальётся покаянными слезами и мгновенно переродится! И вот ничего подобного не произошло,... разочарование вызывает в авторе душевный перелом», — анализирует состояние Гоголя после премьеры Константин Мочульский. (11, 71).

Гоголь покидал родину, чувствуя себя «непризнанным пророком» (11, 71). М.М.Дунаев, рассуждая о «Ревизоре», сделал вывод, что Гоголь «создал чрезвычайно выдающееся художественное произведение, и сделал это необыкновенно смешным и испепеляюще обличительным по отношению к реальной реальности — через этот барьер пророчеству пробиться было невозможно... Искусству земных форм небесные истины в полноте для выражения недоступны» (8, 140). Десять лет спустя, в 1846 году, Гоголь сам осуществил «перевод» литературного сюжета «Ревизора» на язык духовных пророческих истин в «Развязке «Ревизора».

3. Третья идея в раскрытии тайны «Ревизора»

Исследователь В.И.Влащенко, анализируя автокомментарии Гоголя к своим произведениям, говорит о третьей идее в раскрытии тайны «Ревизора»: «В книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846), в 18 главе, в третьем письме, Гоголь как кающийся *человек* в своей *исповеди*, даёт новый ключ к пониманию «Ревизора» и признаётся: «все мои... сочинения — история моей собственной души... Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мною... во мне заключалось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу и притом в таком множестве, в каком я сих не встречал ни в одном человеке... необыкновенными душевными событиями я был наведён на то, чтобы передавать их моим героям... С тех пор я стал наделять моих героев сверх их собственных гадостей моей собственной дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовать его злобой, насмешкой и всем чем попало» (2, 21).

Перед нами — ценнейший материал, раскрывающий процесс очищения души гениального русского писателя-христианина. Протоиерей В.Зеньковский писал о Гоголе, что «реформу» русской жизни он начал с самого себя». Известно,

ГОГОЛЬ И РОЗАНОВ: БИТВА НАСМЕРТЬ

Введение. Предыстория борьбы

Николай Васильевич Гоголь — явление исключительное в русской литературе. На протяжении многих десятилетий творчество писателя неоднократно удостоивалось самых высоких похвал и отзывов. Как, впрочем, и самой ожесточённой критики. Скептически к Гоголю относились Герцен, Чаадаев, Греч, находивший в «Мёртвых душах» особый мир негодаев, который никогда не мог существовать, а также славянофил Чижов, оскорблённый произведениями Н.В.Гоголя до глубины души.

Существует немало критиков, которые неприязненно писали о Гоголе, однако только Розанов возвел неприязнь к Гоголю на совершенно новый уровень: борьба с Гоголем стала смыслом всей деятельности философа.

1. Причины противостояния

Многим покажется странным, что Розанов нежданно-негаданно «ополчился» на Николая Васильевича. Зачем? С какой целью? Для того, чтобы привлечь к своей персоне внимание? И да, и нет. Но не менее странно, что до сих пор Н.В. Гоголь рассматривался лишь как несомненный гений, патриот и писатель, чётко отразивший русскую действительность. Между тем это утверждение слишком сухо и неполно, чтобы отразить всё полотно битвы двух личностей.

Розанов считал Гоголя одним из самых загадочных русских писателей. Он рассматривал творчество Гоголя как тайну, ключ к разгадке которой едва ли можно вообще подобрать. Вступая в спор с Розановым, лишь убеждаешься в истинной глубине Гоголя.

В своей острейшей полемике с Гоголем Розанов, высоко ценя силу гоголевского слова, стремился найти *изъяны* художественного метода Гоголя, по-своему и очень определенно решал вопрос о гоголевском реализме.

2. Розанов о Гоголе.

Розанов считал Гоголя роковой, вредоносной для России фигурой, принёсшей русскому обществу исключительно одни несчастья. Что же определило подобный взгляд?

Подчеркивая могущество Гоголя, Розанов преклоняется перед силой Гоголя, но не забывает изобразить его завоевателем. Писатель как завоеватель — фигура мало симпатичная. Завоевание подразумевает захват, насилие, больше того — надругательство. Как это согласовать с нравственной миссией писателя? Несовместимые вещи, зловещий, мрачный образ, никак не укладывающийся в голове у тех, кто привык представлять Гоголя светлой личностью. И Розанов заключает: «Ни один политик и ни один политический писатель в мире не произвел в «политике» так много, как Гоголь».

3. Публицист и славянофилы

Кто же такой Розанов? К какому общественному течению он относился? Сам Розанов долгое время причислял себя к славянофилам. Он даже сформулировал основные положения их теории:

- 1) начало гармонии, **согласия** частей, «взамен антагонизма их, какой мы видим на Западе в борьбе сословий, положений, классов, в противоположении церкви государству»;
- 2) «начало **доверия** как естественное выражение этого согласия, которое, при его отсутствии, заменилось подозрительным подсматриванием друг за другом, системою договоров, гарантий, хартий — конституционализмом Запада»;
- 3) «начало **цельности** в отношении ко всякой действительности», к истине, которая постигается не обособленным рассудком через философию, но благодаря нравственным поискам;
- 4) «начало **соборности**», «слиянность с ближним — что так противоположно римскому католицизму, с его внешним механизмом папства... и не похоже также на протестантизм...».

Эта система, наконец, включала в себя идею «преданности» русского народа «верховой власти».

Розанов весьма основательно упростил славянофильское учение, стремясь максимально внести ясность во взгляды славянофилов. Его схематизация имела целью примирить славянофильство с российской государственностью.

речь последнее слово: **идиот**. Он был так же неколебим и устойчив, так же не «сворачиваем в сторону», как лишенный внутри себя всякого разума и всякого смысла человек. Но какая же мысль? Идиот таращит глаза и не понимает».

«... Он не понимает, что за словом должно быть что-нибудь, — между прочим, что за словом должно быть дело; пожар или наводнение, ужас или радость. Ему это непонятно, — и он дает «последний чекан» слову...».

Если, по Мережковскому, Гоголь « всю жизнь боролся с чертом », то в розановской интерпретации творчество Гоголя обретает черты сатанического формализма, где само слово, освобождаясь от человеческого смысла, становится черной магией.

Кем же в представлении Розанова был Гоголь как личность? В статье «Отчего не удался памятник Гоголю» (1909) Розанов попытался дать развернутый ответ. В душе больших художников нередко зарождается особый вид безумия, о котором писал Платон в «Пире», настаивая на том, что только люди, способные к безумию, приносят на землю глубокие откровения истины. Безумие Гоголя несло в себе исключительные черты. Оно было в нем всегда, с рождения, но впоследствии, особенно перед смертью, овладело всем его существом. Это было, по Розанову, безумие тоски («Скучно на этом свете, господа!»), которое дало особое направление его художественному зрению. «И самую тоску он не мог ни рассеять, ни раскидать, едва ли даже умел постичь...».

Однако гоголевские глаза — глаза великого художника, взгляд которых имел особое свойство останавливаться и вырывать уродливые, пошлые стороны бытия из полной жизни и выдавать их за полную жизнь. Розанов говорит, что Гоголь смутил Россию: «Самая суть дела и суть «пришествия в Россию Гоголя» заключалась именно в том, что Россия была «монументальной», величественно, значительно: Гоголь же прошелся по всем этим «монументам», воображаемым или действительным, и смял их все, могущественно смял своими «тощими, бессильными» ногами, так что «и следа от них не осталось, а осталась одна безобразная каша...»

Итак, в Гоголе необходимо различать личность с особым взглядом на мир и социального писателя. Способность видеть темные стороны бытия, придав специфическое направление творчеству, способствует отражению мрачного мира с невиданной силой — в этом положительная миссия Гоголя. С таким взглядом на мир жить чудовищно трудно, чего Николай Васильевич и не выдержал, но взглянуть на мир гоголевскими глазами необходимо для полноты познания мира.

Своей нечеловеческой борьбой с титаном русской литературой Розанов, несомненно, впечатляет. Но, показывая недостаточность взгляда

на Гоголя как на писателя сугубо «обличительного» направления, он звучит достаточно убедительно. В самом деле, источник творчества Гоголя связан с исключительным гоголевским видением мира, с его особыми ощущениями, выразившимися в чувстве тоски, меланхолии. Если раннее творчество Гоголя позволительно рассматривать, опираясь на его собственное суждение, как преодоление тоски, болезненного состояния, то позднейшие произведения Гоголя, особенно «Мертвые души», заключают в себе сплав тоски и страшной гиперболы русской действительности. Розанов подчиняет Гоголя «безумию тоски», тем самым признавая социальную тему Гоголя не имеющей смысла быть обсуждаемой. Дар Гоголя, отмеченный ещё Пушкиным «выставлять так ярко пошлость жизни, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем», нанёс страшный урон русской литературе. Наложение этого дара на реалии России породило карикатуру.

Розанов пытался защитить Россию от «клеветы» Гоголя, не осознавая того, что эта «клевета» достовернее любой «правды». Самую же исключительность Гоголя и источник его «беспредельной злобы» Розанов находил в демонизме («демон, хватающийся боязливо за крест»). Этот демонизм несовместим с христианством: «...Я как-то не умею представить себе, чтобы Гоголь «перекрестился». Путешествовать в Палестину — да, был ханжою — да. Но перекреститься не мог. И просто смешно бы вышло. «Гоголь крестится» — точно медведь в менуэте».

6. Гоголь и театр

Литература как рассказ и литература как излияние сердца глубоко разнородны с театром, который даёт зрелище, представление. Театр имеет глубокое соприкосновение с литературой, — но он глубоко самостоятелен, самороден. Плодом отдыха считал Розанов и «Ревизора», и «Тяжбу», и «Женитьбу». По сути, это те же «Мёртвые души», перенесённые на сцену. Тот же рисунок, та же тема, и ни одной новой мысли. Розанов берётся утверждать, что «Ревизор» — первоначальный абрис, эскиз, на котором великий писатель пробовал свою силу. Рисуете всё то же тёмное, грязное, засоренное и заношенное, русское захолустье, какое и рисуете в «Мёртвых душах». И здесь Гоголь не знает соперничества. Великое мастерство его не имеет предела. Сила Гоголя и его власть над читателями проистекает из изумительного чувства им русского слова. Никто так не знал русского слова, не чуял его духа и формы. Фабулы практически нет, или она совершенно не имеет значения. Всё дело в фигурах, в изваяниях. Гоголь дал нашему театру

вали, уж не шевелятся ли они». В результате Розанов приходит к выводу, что «сущность художественной рисовки у Гоголя заключалась в подборке к одной избранной, как бы тематической черте создаваемого образа других все подобных же, ее только продолжающих и усиливающих черт, со строгим наблюдением, чтобы среди них не замешалась хоть одна, дисгармонирующая им или просто с ними не связанная черта. Совокупность этих подобранных черт, как хорошо собранный вогнутым зеркалом пук однородно направленных лучей, и бьет ярко, неизбежно в память читателя».

Отрицание Гоголя связано у Розанова в немалой степени также с его отношением к смеху. Розанов отождествляет смех с сатирическим смехом. Видя в смехе лишь обличение, зубоскальство, издевательство, проклятие, Розанов полагает, что «смеяться — вообще недостойная вещь, что смех есть низшая категория человеческой души... и что «сатира» от ада и преисподней, и пока мы не пошли в него и живем на земле... сатира вообще недостойна нашего существования и нашего ума».

Смех, по Розанову, — составная часть нигилизма, но «смех не может ничего убить. Смех может только придавить». Имея подобное представление о смехе, Розанов не мог не увидеть Гоголя как фигуру «преисподней».

Заключение

Итак, в борьбе с Гоголем Розанов, в конечном счете, честно признал свое поражение. Парадоксально, но факт: революции открыла Розанову глаза на правду Гоголя. В поражении Розанова нет ничего особенно удивительного. В сущности, с Гоголем не мог справиться и сам Гоголь. Но важен не только итог, но и сам смысл борьбы. Литературно-критическая интуиция не подвела Розанова: именно в Гоголе он нашел сосредоточие наиболее острых проблем, мучавших русскую литературную мысль в течение десятилетий; именно Гоголь был предшественником русских мыслителей рубежа XIX-XX веков, именно Гоголь как никто другой, пожалуй, (разве что ещё Ф. М. Достоевский) ярко и полно изобразил русскую действительность, именно Гоголь оказался самым настоящим реалистом. В споре с Гоголем Розанов предстал как порождение и уникальное выражение духовной и умственной смуты, охватившей большую часть российской интеллигенции в предреволюционные годы. Оказалось — Гоголь был прав, и предвидел всё намного раньше самого Розанова. Гоголь же со своей стороны предстал как художник, загадка которого неисчерпаема, а личность таит в себе ещё много неизведанных мест, то есть, — как истинный творец, писатель Золотого века русской литературы.

Список использованной литературы

1. Виктор Ерофеев. Розанов против Гоголя. // Вопросы литературы. № 8, 1987.
2. Михалков С. В. Слово о Гоголе. — М., «Советская Россия», 1985.
3. Розанов В. В. Гоголь и его значение для театра. — М., «Советская Россия», 1990.
4. Розанов В. В. Отчего не удался памятник Гоголю? — М., «Советская Россия», 1990.
5. Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе. — СПб., 1902.
6. Розанов В. В. Литературные очерки. — СПб., 1902.
7. Розанов В. В. Сочинения. — М., «Советская Россия», 1990.

храма, где стоят молящиеся (олицетворяет пространство, где человек общается с Богом, кается, молится) и 3) алтарь, помещенный в восточной части храма (олицетворяет область бытия Божия на земле), где совершаются священнослужителями богослужения и находится самое главное место во всем храме — святой престол, на котором совершается таинство святого причащения.

Алтарь отделяется от средней части храма иконостасом, состоящим из нескольких рядов икон и имеющим трое ворот; средние ворота называются царскими, потому что через них Сам Господь Иисус Христос, Царь славы, невидимо проходит в святых дарах (во святом причащении). Поэтому через царские ворота никому не разрешается проходить, кроме священнослужителей.

Истоки иконостаса ученые находят в византийских традициях. Однако на Руси он сложился не сразу. Свое наиболее полное воплощение идея иконостаса получила лишь в XV веке. Во времена Андрея Рублева рождался высокий иконостас, в созидаании которого принимали участие многие гениальные художники: Феофан Грек, Прохор с Городца, Даниил Черный и, конечно же, сам Андрей Рублев.

Иконостас раскрывает духовную сущность того, что совершается в алтаре. Образы иконостаса показывают, каким становится человек, соединяющий себя с Богом. По мнению П.А. Флоренского, «иконостас есть граница между миром видимым и невидимым...» (7, 28). Образы икон сливаются в целостную композицию, «звучащую», подобно мощному многоголосому хору, в пространстве храма от земли до поднебесья.

Совершающееся по особому чину (порядку) в храме во главе со священнослужителем чтение и пение молитв называется богослужением.

Самое важное богослужение — литургия, или обедня (она совершается до полудня). Во время ее вспоминается вся земная жизнь Спасителя и совершается таинство причащения, которое установил Сам Христос на Тайной Вечери.

«Таинство причащения состоит в том, что в нем благодатию Божией хлеб и вино освящаются — делаются истинным Телом и истинною Кровию Христовой, оставаясь по виду хлебом и вином, и мы под этим видом хлеба и вина принимаем истинное тело и истинную кровь Спасителя, чтобы войти в Царство Небесное и иметь вечную жизнь» (4, 44)

Так как храм — это великое святое место, где с особенной милостью, невидимо присутствует Сам Бог, то поэтому мы должны входить в храм с молитвой и держать себя в церкви тихо и благоговейно. Во время богослужения нельзя разговаривать, а тем более смеяться. Нельзя поворачиваться спиной к алтарю. Каждый должен стоять на своем месте и не переходить с одного места на другое. Только в случае нездоровья разрешается сесть и отдохнуть. Не следует уходить из храма до окончания богослужения.

Вот таков православный храм — своеобразное светлое зеркало мира! А теперь рассмотрим образ «темного» храма у Н.В. Гоголя.

1.2. Образ «темного» храма в повести «Вий» Н.В.Гоголя

Вот каким увидел храм Хома в первую ночь: «Церковь деревянная, почерневшая, убранный зеленым мохом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения. Свечи были зажжены почти перед каждым образом. Гроб поставили посередине, против самого алтаря...» (2, 469). «Посередине стоял черный гроб. Свечи теплились пред темными образами. Свет от них освещал только средину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота

— лишает его молитву действенности и силы.

В-третьих, по моему мнению, **душевный храм Хомы пуст**, его духовная «темнота» родственна чудовищам: «Бездыханный, грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха» (2, 489).

Итак, мир «Вия» пронизан страхом: человека лишает сил недостаточная вера, греховные помыслы, и душа его становится доступнее соблазнам плоти и «внешней» красоты. Вот поэтому в повести «Вий» Н.В. Гоголь изображает «темный» храм.

Список использованной литературы

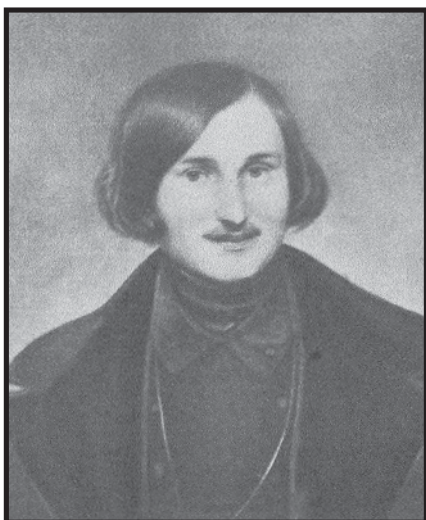
1. Глянц В.М. Гоголь и апокалипсис. — М.: Изд-во ЭЛЕКС-КМ, 2004.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: Повести. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Детская Библия. Российское Библейское Общество. — М., 1997.
4. Закон Божий. Сост.: протоиерей Серафим Слободской. Издание четвертое. Тип. преп. Иова Почаевского, 1987.
5. Князь Е.Н. Трубецкой. Три очерка о русской иконе. — Новосибирск, 1991.
6. Котельников В.А. Христианство и русская литература. Сб. 4-й. — С.-П.: Изд-во Наука, 2002.
7. Рапацкая Л.А. Художественная культура России: От Древней Руси к золотому веку. — М.: Вентана-Графф, 2000.

Бовина Мария,
учащаяся 11 класса средней школы № 21
г. Сергиев Посад

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ

Введение.

Николай Васильевич Гоголь (1809 — 1852) — один из творцов новой русской литературы, гениальный писатель, но не менее замечателен он в своих религиозных исканиях. В сознании своих современников Гоголь представлял собой классическую фигуру писателя-сатирика —

обличителя пороков человеческих и общественных, блестящего юмориста, наконец, просто писателя-комика, развлекающего и веселящего публику. Иного Гоголя — писателя-аскета, продолжателя святоотеческой традиции в русской литературе, религиозного мыслителя и публициста, автора молитв — современники так и не узнали. За исключением «Выбранных мест из переписки с друзьями», изданных со значительными цензурными изъятиями и большинством читателей неверно воспринятых, духовная проза Гоголя при жизни его оставалась неопубликованной. Сам он с горечью осознавал это и писал в «Авторской исповеди» (1847): «Я не знал ещё тогда, что моё имя в ходу только за тем, чтобы попрекнуть друг друга и посмеяться друг над другом».

Он долгое время оставался непонят не только русским обществом, но даже русской церковной мыслью, и лишь в XX веке начинает раскрываться то, что внёс Гоголь в сокровищницу русской мысли. Но здесь возникла другая крайность: «неохристианская» критика рубежа веков и более всего известная книга Д.С.Мережковского «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» выстраивала

руках и сияющим, просветлённым лицом, такого выражения в глазах у него я никогда не видел. Гоголь сказал: «Я всегда ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал это; наконец Иннокентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: ко Гробу Господню». С этим образом Гоголь не расставался, а после смерти он хранился у Ольги Васильевны Гоголь, сестры писателя. Жена Аксакова, Ольга Семёновна, сказала, что ожидает от него теперь описания Палестины, на что Гоголь ответил: «Да, я опишу вам её, но для того мне надобно очиститься и быть достойным». Продолжение литературного труда он теперь не мыслит без предварительного обновления души: «Чище горного снега и светлей небес должна быть моя душа, и тогда только я приду в силы начать подвиги, тогда только разрешится загадка моего существования.»

У него возникает план издания теоретической книги, посвященной вопросам Церкви и культуры, — и в 1847 году он издаёт «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга эта осталась непонятой русским обществом, вызвала непримиримую и резкую критику, самым ярким выражением которой было знаменитое письмо Белинского. Гоголь крайне тяжело пережил эту неудачу; он не мог отказаться от своего религиозного мировоззрения, но сознание трагической несоединённости Церкви и культуры давит на него по-прежнему с чрезвычайной силой. В припадке тяжких сомнений, Гоголь сжигает второй том «Мёртвых душ», после чего впадает в крайнее уныние и вскоре умирает...

Гоголь прожил всего 43 года, но за эти годы он не только обогатил русскую литературу гениальными созданиями, но и внёс в русскую жизнь ту тему, которая доньше является одной из центральных тем русских исканий, — о возврате культуры к Церкви, о построении нового церковного мировоззрения — о «православной культуре».

Критика морального гуманизма у Гоголя

Остановимся прежде всего на критике моралистического гуманизма у Гоголя. В нём самом моральное сознание было очень острым и напряжённым, и в этом отношении он близок большинству русских мыслителей. Гоголь глубоко чувствовал трагичность современного морального сознания. Моральный идеал, которым он был «одержим», им самим воспринимался как нереальный и даже неестественный, как некая риторика, не имеющая опоры в естественном строе души. Мучительнее и резче всего переживал его Гоголь в теме, основной для всего европейского и русского гуманизма, — в вопросе об отношении

к людям как к «братьям». Гоголь пишет: «Но как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного». Душа человеческая вовсе не способна, в нынешнем её состоянии, к подлинно моральному действию, т.е. к любви. «Человек девятнадцатого века отталкивает от себя брата... Он готов обнять всё человечество, а брата не обнимет».

Между тем все люди связаны между собой такой глубокой связью, что, поистине, «все виноваты за всех», этой формулы, впоследствии выкованной Достоевским, нет у Гоголя, но её суть уже есть у него. Он часто приводит мысль, что мы «косвенно» связаны со всеми людьми, и все наши действия, даже мысли, влияют на других людей. Иначе говоря, тема морали, тема добра неотвратима, неустранима, она стоит перед каждым во всем страшном и грозном объёме, но она не имеет опоры в нынешнем строе души. Страшно то, говорит Гоголь, что мы «в добре не видим добра», — т.е., что даже там, где есть подлинное добро, мы не в состоянии воспринять его как добро. Чем глубже сознавал Гоголь трагическую несоединённость в душе эстетического и морального начала, тем проблематичнее становилась для него тема красоты, тема искусства. Разъединённость красоты и добра означает, в сущности, всю нереальность эстетического гуманизма; подлинно соединить красоту и добро может только то, что глубже обоих начал, — т.е. религия.

Религиозные искания писателя развиваются вокруг этой темы: религия для Гоголя призвана преобразить естественный строй человека, его культуру, его творчество. В Православной Церкви «заключена возможность разрешения всех вопросов, которые ныне в такой остроте встали перед всем человечеством. Гоголь зовёт к перестройке всей культуры в духе православия и является поистине пророком «православной культуры». Искусству «предстоят теперь другие дела» — воодушевлять человечество в борьбе за Царствие Божие, т.е. связать своё творчество с тем служением миру, какое присуще Церкви. Саму Церковь Гоголь понимает как живое соединение мистической силы её с историческим воздействием на мир: «полный и всесторонний взгляд на жизнь остался в Восточной Церкви — в ней простор не только душе и сердцу человека, но и разуму во всех его верховных силах». Для Гоголя «верховная инстанция всего есть Церковь», «Церковь одна в силах разрешить все узлы, недоумения и вопросы наши». «Есть внутри земли нашей примиритель, который покуда не всеми виден, это — наша Церковь... В ней правило и руль наступающему новому порядку вещей, и чем больше вхожу в неё сердцем, умом и помышлением, тем больше изумляюсь чудной возмож-

утверждал, что Гоголь изменил своему дарованию и убеждениям, что книга написана с целью попасть в наставники к сыну наследника престола; в языке книги он видел падение таланта и недвусмысленно намекал на сумасшествие Гоголя. Но главный пункт, на который нападал Белинский и который является центральным в книге, — был вопрос о религиозном будущем народа. «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! - писал критик. — (...) Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности. (...) Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре: у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем».

«Размышления о Божественной литургии»

Замысел книги относится ко времени пребывания Гоголя в Ницце зимой 1843/1844. Он связан, думается, с прочитанными им тогда в журнале «Христианское чтение» анонимными статьями «О православной Российской церкви» и «О Литургии».

Наиболее активно замысел стал воплощаться в начале 1845 года, когда Гоголь гостил у графа А.П. Толстого в Париже. В это время он знакомится с настоятелем русской посольской церкви отцом Дмитрием Вергинским, бывшим профессором Петербургской Духовной Академии. О протоиерее Дмитрие Вершинском Гоголь писал из Парижа: «Священник наш хороший и умный человек и ,благодаря ему, я не оставался без русских книг, которые были мне потребны или пришлось по состоянию души».

Гоголь принимается за изучение греческого языка, чтобы читать в подлиннике чинопоследования Литургии св. Василия Великого и Литургии Иоанна Златоуста.

Обратившись к церковному слову, Гоголь стремился привлечь к нему и других. «Без вас я не был деятельным в подобном чтении, а, имея его только в виду, все бы откладывал, по моему обыкновению, в дальний ящик». В конце 1840-х было написано Гоголем «Вступление» к «Размышлениям...».

Книга осталась незавершённой. Рукопись её была обнаружена вместе с уцелевшими главами второго тома «Мёртвых душ». С.П. Шевырёв, занимавшийся разбором гоголевских бумаг 16 мая 1852 года прочёл «Объяснение на Литургию» на вечере у председателя Московского цензурного комитета В.И.Назимова, это было первое обнару-

дование новообретённого сочинения Гоголя.

«Размышления...» пострадали от цензуры больше, чем любое другое произведение Гоголя. Сначала рукописи хранились у Шевырёва, готовившего к печати сочинения Гоголя, оставшиеся после его смерти, затем у митрополита Московского Филарета, который, по словам Шевырёва, намеревался исправить её. В 1856 году земляк Гоголя О.М.Бодянский отправил её в Петербургскую духовную цензуру. Цензурный комитет нашёл, что в книге Гоголя «при множестве прекрасных мыслей, встречается не мало объяснений обрядов богослужения произвольных и даже неправильных; есть даже выражения, противные учению Православной церкви. Посему и размышления эти не могут быть одобрены в настоящем их виде». После вмешательства графа Толстого книгу удалось издать, но в исправленном цензурой виде. Архимандрит Кирилл исключил несколько мест (по тридцать и более строк), прибавил от себя отдельные слова и фразы, исправил стиль, заменяя литературные обороты Гоголя церковно-славянскими. В таком виде книга была издана П.А.Кулишом в 1857 году.

По подлинным рукописям Гоголя «Размышления...» впервые были изданы академиком Н.С.Тихонравовым в 1889 году.

Как показывает текстологический анализ, в работе над книгой Гоголь использовал упомянутую статью «О Литургии». Одним из главных пособий ему служило так же «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию» Ивана Дмитриевского. Помимо этой книги Гоголь использует сочинения святых патриархов Константинопольских Германа и Иеремии, блаженного Симеона, а так же Старую и Новую скрижаль. Скрижаль — толкование Литургии и других церковных служб, составленное греческим иеромонахом Нафанаилом.

Заключение

К. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя» писал: «В нравственной области Гоголь был гениально одарён; ему суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её боевой и практический характер, её пророческий пафос. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы. Сила Гоголя была так велика, что ему удалось сделать невероятное: превратить пушкинскую эпоху нашей словесности в эпизод, к которому

ность, истину и ... полноту жизни» (3, 129), отраженную в его творениях. Сам Николай Васильевич, всегда строго оценивающий все, что выходило из-под его пера, считал этот труд одной из вершин своего творчества.

Эта книга пользовалась большой популярностью не только в России, но и за рубежом: в начале прошлого столетия её увлеченно читали дети в школах Франции, предпочитая её таким шедеврам, как «Айвенго», «Робинзон Крузо», «Дон-Кихот». В настоящее время повесть включена в обязательный перечень книг для изучения в школах Министерством образования Испании. В России в начале XX века устраивались публичные чтения «Тараса Бульбы» в сопровождении духовных бесед священников Православной Церкви...

Что же так привлекает в этом произведении заботящихся о достойном воспитании юных граждан своей страны и чем объяснить столь высокую популярность «Тараса Бульбы» во всем мире?

1. Духовные основы подвига в повести «Тарас Бульба»

1.1. «За други своя». Понятие о духовном родстве.

Несомненно, это произведение несет в себе великую национальную идею защиты своего Отечества, жертвенного служения своему долгу, незабываемый колорит изображаемой эпохи, мастерски выписанные характеры защитников своей Веры, истинных богатырей духа.

Десять лет упорной, тщательной работы над повестью, начатой в 1833 году с изучения исторических источников, летописей Запорожской Сечи, народных преданий, дум, песен, увенчались необычайным творческим успехом. Гоголю удалось воссоздать, по выражению В.Г. Белинского, «духовный образ» эпохи.

«Тарас Бульба» — это гимн любви к Богу, к ближнему, к Отечеству. Жертвенный подвиг Запорожского братства определяется исполнением заповеди Спасителя о любви к братьям: *«Больше сия любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин 15, 13). «Много ли самоотверженных людей, которые ... осуществляют эти ... слова? Такие люди редкими ... единицами стоят в истории человечества... А между тем, запорожцы целыми тысячами осуществляли ... слова Божественного Учителя», — писал К.С. Хоцянов в своей работе «Опыт разбора повести «Тарас Бульба», опубликованной в 1883 году (4, 113).

Кто были эти люди, которые так самоотверженно шли за Христом, исполняя Его волю?

«Дикий горец, ограбленный россиянин, убежавший от деспотизма панов польский холоп, даже беглец исламизма — татарин ... положили начало этому огромному обществу, уже в начале имевшему одну главную цель — воевать с неверными и сохранять чистоту религии своей», — писал Гоголь в статье «Взгляд на составление Малороссии» в 1834 году (6, 727-728).

И.А. Виноградов в работе «Узы небесного братства» пишет, что рассуждения Гоголя о возникновении «казацкого братства» несут в себе «... несомненные ветхозаветные реминисценции — от истории царя Давида: И собрались к нему все притесненные, и все должники, и все огорченные душой, и сделался он начальником; и было с ним около четырехсот человек» (1 Цар. 22, 2) — до истории Маккавеев: «Тогда снисхожда мнози ищущие суда и правды в пустыню» (1 Мак. 2, 29) (4, 114).

Для запорожцев, породнившихся «по душе, а не по крови», Сечь — духовная родина, здесь они получают то духовное утешение, ту святую радость, которые и составляют суть их бытия и служения. Эта радость не исчезает, не умирает, «ибо проистекает у запорожцев непосредственно из принятого ими на себя подвига» (4, 115). Такое состояние души христоролюбивых воинов объясняет на страницах своего сочинения архиепископ Херсонский Иннокентий: «Ибо о чем же человеку более радоваться на земле, как не о том, что к нему близко небо, что в нем и его жизни исполняются требования Евангелия, что он идет тем драгоценным путем, который, по уверению Спасителя, ведет прямо к царствию» (1, 72).

1.2. О святости долга и жертвенной любви к ближнему

Главная цель казачества — защита Веры христианской от всякого врага и супостата: «Поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа. Поднялась отомстить за посмеяние прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинство чужеземных панов...» (6, 133).

Исследователь творчества Гоголя В.А. Воропаев, тщательно изучая черновые работы Гоголя, включая выписки разного рода, в том числе церковные, писал: «В отношении «Тараса Бульбы» выписки позволяют проследить за мыслью Гоголя о важном вопросе: разрешает ли церковь убивать людей на поле брани. Среди них есть такая: «Не позволительно убивать, но убивать врагов на поле брани и законно, и похвалы достойно»» (5, 247).

Позднее в одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями», адресованной графу А.П. Толстому, Гоголь пишет: «Вспомните, что когда приходила беда ... тогда из монастырей выходили монахи и становились в одни ряды

слышать не хотела о посте и воздержании» (6, 29) — этим и объясняется та атмосфера вольной Сечи, с её разгулом, бражничеством, шумными забавами, описанная Гоголем при въезде в неё Тараса с двумя сыновьями. К этим «потехам» и возвращаются казаки во время продолжительной осады у стен Дубно, скучая и ища себе «утешений», что полностью противоречит рыцарскому духу защитников Православной Веры.

Иоанн Златоуст, рассуждая о значении поста, называет его «оружием», необходимым для «войны со страстями» (17, 366), от которого добровольно отказываются казаки, предпочитая воздержанию бражничество и шумные гуляния, вошедшие у них в злую привычку. Гоголь особенно подчеркивает пагубность такого нравственного состояния, при котором человек лишается благодати Божией и терпит поражение в битве и с внутренними врагами «греховными страстями», и с внешними: вследствие чрезмерного винопития казаки Переславского куреня попадают в плен, тем самым осложняя благополучный исход событий своего похода.

Само стремление казаков погулять, «разжиться в походах деньгами...», являясь принадлежностью запорожского общества, не составляет «его главного формообразующего принципа», но, напротив, при возрастании действует разрушительно» (4, 120). Поражения, которые терпят казаки, есть результат их отказа от норм благочестия, от исполнения важнейших заповедей Божьих, которые повелевают человеку «убегать от невоздержания, срамословия, лжи, буйства и притеснения» (1, 76).

Автор героической эпопеи приходит к основополагающим выводам: чтобы отразить врагов своего Отечества видимых, необходимо научиться отражать и «врагов ... невидимых, кои суть наши злые пожелания и страсти» (1, 74).

Великий русский философ И.А. Ильин в статье «О силе, мече и праведности» пишет, что душа, сопротивляющаяся силой и мечом должна «освободить себя ... от возмущения страстей, от соблазна, замешательства, неуравновешенных и преждевременных взрывов, и всяческого пристрастия, и всяческих немудрых душевных движений» (12, 58).

Можно по праву сказать, что в повести Гоголь изобразил две битвы: одну — внешнюю — с «ляхами», другую — внутреннюю — «со страстями и демонами» (17, 366), так называемую святыми отцами «невидимую брань».

М.М. Дунаев видит причину ослабления казацкого духа в «отсутствии глубинной религиозности, выразившейся в полном отсутствии поста (без которой вера лишается внутренней укрепляющей основы), которое «расшатывает само-

дисциплину, питает своеволие и возможное вследствие этого предательство веры» (11, 112).

2. Измена Андрия: причины и следствия

Действительно, пост не только оберегает человека от пьянства и чревоугодия, но и сообщает душе силу для борьбы с греховными помыслами. Так в душе Андрия не находят никакого сопротивления его страстные мечты и думы о прекрасной полячке, увиденной им однажды в старом Киеве. И сама эта встреча не была случайной в жизни младшего сына Тараса, ибо «потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет» (6, 17).

Женский образ занимал его мысли, и все, что представляло его живое воображение, «дышало каким-то невыразимым сладострастием» (6, 19). Впечатление, которое оставила красавица после нескольких мимолетных встреч, уже не исчезало из сердца Андрия, хотя он «тщательно скрывал ... эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать казаку о женщине и любви, не отведав битвы» (6, 47).

Несмотря на внешнее подчинение законам братства, в душе Андрий не сопротивляется восплававшей в нем плотской страсти, и вскоре она начинает господствовать над ним, парализует его волю и делает его своим узником.

Иоанн Златоуст, рассуждая о «худых страстях», пишет: «Надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Ибо как только они займут душу и ею возобладают, то, как огонь, падающий на сухие дрова, возжигает в ней страшный пламень» (14, 524). Авторитетное мнение святителя Вселенской Церкви поддерживает русский философ И.А. Ильин: «Владеть силой и мечом может лишь тот, кто владеет собой, т.е. своими страстями и своим видением ... Вот почему очищение души есть основное условие победы со злом» (12, 60).

Н.В. Гоголь, неустанно заботившийся о чистоте своей души и внимательно изучавший творения святых отцов, с гениальной точностью прослеживает процесс зарождения блудной страсти в душе своего героя, началом которой служит греховный помысел, продолжением — представление греха в воображении. В дальнейшем всё зависит от самого человека: от его соглашения с воображаемым или неприятием сих соблазнительных видений. Андрий уже достаточно время жил с внутренним согласием на эту страсть, он был похож на порох, который вспыхивает при первой искре. И появление в казачьем стане горничной польской панночки сразу же определяет дальнейшие поступки героя.

5. Воропаев В.А. Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя. В сб.: Евангельский текст в русской литературе XVIII — XX веков. Петрозаводск, 2001.
6. Гоголь Н.В. «Тарас Бульба». М., 1966.
7. Гоголь Н.В. Взгляд на составление Малороссии. Собрание сочинений в 2-х томах. Том 2. Москва — Киев — Париж, 2002.
8. Гоголь Н.В. О малороссийских песнях. Собрание сочинений в 2-х томах. Том 2. Москва — Киев — Париж, 2002.
9. Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 2001.
10. Горбунов А., священник. За всех и вся. М., 2006.
11. Дунаев М.М. Православие и русская литература. Часть 2. М., 1996.
12. Ильин И.А. О силе, мече и праведности. В сб.: Христолюбивое воинство. М., 2006.
13. Могульский К. Духовный путь Гоголя. В сб.: Н.В. Гоголь и Православие. М., 2004.
14. Православная энциклопедия. Том 11. М., 2006.
15. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. Минск, 2007.
16. Простые беседы о страстях. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 2001.
17. Святитель Иоанн Златоуст. В сб.: Алфавит духовный. М., 2005.

Малова Екатерина,
учащаяся 11 класса средней школы № 23
г. Сергиев Посад

СУДЬБА И ВЕРА ГОГОЛЯ

Судьба Гоголя полностью не изучена, оттого она и привлекает к себе внимание. Большинство исследователей творчества писателя склоняются к единому мнению, что Гоголь был не только великим художником, но и учителем нравственности, христианским подвижником и мистиком. Вера Гоголя повлияла на его судьбу, трагический конец которой вызывает немало противоречивых версий и откликов и по сей день.

Религиозность запала в душу Гоголя с детства,

и не поздние болезненные уклонения и не верность обрядам и привычка воспитания возбудили ее, а ранняя вера мальчика Гоголя в Страшный суд, в возмездие. Рассказ матери о Страшном суде, поведенный ему в образах и картинах, по словам Гоголя, пробудил в нем «всю чувствительность» и заронил «самые высокие мысли».

Ему с детства было дано «страшное воображение», которым наградила природа еще его отца.

Гоголь поражает окружающих высказываниями, которые никак не вяжутся, по их представлению, с его скромными данными. Одно из них приводит В. Вересаев — отъезжая в Петербург, гимназист Гоголь говорит: «Или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее.»

Гоголь с детства сознает свое высокое предназначение. Сознание это соединяется с предчувствием краткости отпущенной ему жизни. Он все время помнит об этом, все время спешит, как спешат жить и его герои, постоянно видящие перед собой лик смерти.

Разве не смерть заставляет торопиться Чичикова, разве не она гонит его по русским дорогам, разве не от нее, наконец (как от пересекающей его путь похоронной процессии в первом томе «Мертвых душ»), бежит он? Так и Гоголь, по своему признанию, «бежит от тоски» — меняет

Этой высшей идеей Гоголь считал христианскую идею. Он и на поэзию смотрел, как на «незримую ступень к христианству».

Не поняв этого, мы не поймем Гоголя, не поймем ни его жизни, ни окончания этой жизни.

Хроника сообщений о работе над вторым томом «Мертвых душ», вычитываемая из книги «Гоголь в жизни», показывает, что все шло хорошо до того мгновения, когда Гоголь, очевидно просмотрев написанное, понял, что это не то. По возвращении из Одессы весной 1851 года он уже готовится печатать второй том, но осенью его намерение меняется, он колеблется, причем его внутренние колебания связываются, как у него всегда бывало, с колебаниями житейскими. Гоголь вдруг, с полдороги, поворачивает из Оптиной пустыни в Москву, отказавшись от поездки на свадьбу сестры. Он пишет матери о расстройстве своего здоровья и добавляет; что сам стал причиной этого расстройства. «Желая хоть что-нибудь приготовить к печати, я усилил труды,— сообщает он в Васильевку,— и через это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть, на два...»

К началу 1852 года он приходит к выводу: «...в нем (во втором томе) все никуда не годится и... все надо переделать». Эти слова Гоголя в передаче С. Т. Аксакова цитирует В. Вересаев.

Но «все переделать» уже не было сил, на то, чтобы «все переделать», уже не хватало жизни. В феврале 1852 года Гоголь решил, что «сослужил свою службу и окончил» и что ему остается только одно — умереть.

В таланте и жизни Гоголя заложены крайность, преувеличение. «Или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее». Или-или; Гоголь не признает середины.

Еще в школе он кидает в печь свои исторические повести, не одобренные однокашниками, затем сжигает драму из украинской истории, потом — и не один раз — предает огню второй том «Мертвых душ». Сейчас исследователи спорят о том, сколько таких сожжений состоялось. Но дело не в их числе, дело в факте уничтожения. Причем уничтожения полного, бесповоротного, не оставляющего автору надежды что-то доделать, что-то подправить. Гоголь сжигает все, чтоб все начать сначала.

Так он оставляет Петербург в 1829 году и бежит в Любек, будучи расстроеным неудачей с «Ганцем Кюхельгартемом» (красноречивое письмо матери по поводу этого поступка есть в книге В. Вересаева). Он внезапно срывается и бежит за границу после успеха «Ревизора», который кажется ему провалом. И точно так же в феврале 1852 года он в течение двух недель из здорового человека превращается в обреченного,

которому не могут помочь никакие врачи. По той же причине, чтоб узнать, верует ли он истинно в Христа, он отправляется не на исповедь к священнику в одну из ближайших церквей, а едет в Иерусалим, пускается в опасное путешествие по морю и пустыне, дабы не где-нибудь, а у Гроба Господня попытать свою душу.

С детства Гоголя мучит призрак возмездия, призрак наказания за грехи. История о Страшном суде, которая потрясла воображение сына Марии Ивановны, проливает свет на одну из центральных тем Гоголя, бывшую не только темой его творчества, но и темой жизни.

Какое бы произведение Гоголя мы ни взяли, там есть суд и наказание, есть предшествующее этому суду разоблачение, покаяние, слезы.

Возмездие ждет городничего в «Ревизоре», Чичикова в «Мертвых душах». Возмездие витает над головой бедного Пискарева из «Невского проспекта» и Черткова из «Портрета». Гром возмездия разражается над Ковалевым в «Носе» и над «значительным лицом» в «Шинели». Я уж не говорю о колдуне в «Страшной мести», о судьбе философа Хомя Брута в «Вие», об Андрее в «Тарасе Бульбе», о тяжбе Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, превратившей их в развалины, об участии Петруся в «Ночи накануне Ивана Купалы».

Грех, вина наказываются публичным осмеянием и фиаско, а иногда и смертью. Но, как правило, человек у Гоголя перед всеми этими событиями сам сознает ужас своего проступка и готов предстать перед судом. Суд у Гоголя это и суд закона, суд гражданский, и суд природы (смерть прокурора в «Мертвых душах»), и высший суд — тот, к которому обращается в своей последней речи городничий («Смотри, мир, смотри, все христианство, как одурочен городничий») и к которому также в своей предотъездной речи, венчающей оставшиеся главы второго тома «Мертвых душ», обращается герой поэмы — «князь».

Перед лицом этого суда бледнеют приговоры правительства и общества, общественного мнения и публичной критики, от него отступает даже нечистая сила, которая, кажется, имеет неограниченный диктат над человеком. Не Вий убивает героя Гоголя, а страх Хомя Брута, что он переступил черту.

Герои Гоголя, как правило, одиноки, они бродяги, артисты — артисты воображения, артисты вранья. «Я бездомный, меня бьют и качают волны», — приводит В. Вересаев слова Гоголя, и это почти полное совпадение с жалобами Чичикова, который то и дело называет себя «баркой, носимой среди волн».

Белинский в письме к Гоголю обвинил его

творится с Гоголем. Письма Гоголя полны откровений, где Гоголь без обиняков высказывается о себе, не щадя своей гордости, своего самолюбия. Его ум, как любил он говорить, караулит над собой, и не дает сойти с оси иронического отношения к себе.

Можно сколько угодно подшучивать над тем, что в героях писателя отражается сам писатель, но для Гоголя это так. И хотя он говорил, что каждый раз изгонял из себя то Хлестакова, то Ноздрева, то Чичикова, что-то от этих персонажей оставалось в нем, жило в нем. В Гоголе жил отчасти и обжора Петух из второго тома «Мертвых душ», и Тентетников, помышляющий о благоустройстве всего Русского государства, и Пискарев, мечтающий о лучшей красавице Петербурга, и Шпонька, панически страшщийся женитьбы.

Книга В. Вересаева разрушает стереотип представления о Гоголе, как о личности нелюдимой, эгоистической. Еще в школе мальчик Гоголь раздаривает весь запас наличных денег нищим, за что его ругает приставленный к нему дядька, в годы своей славы Гоголь так же раздает гонорар нуждающимся студентам, пытаясь скрыть этот факт благотворительности от широкого круга знакомых. Он, правда, не может скрыть его, и пожертвования Гоголя становятся предметом обсуждения в гостиных Москвы и Петербурга, но это уже не вина Гоголя, а беда его известности.

Между прочим, и появление «Выбранных мест из переписки с друзьями» вызвано не чем иным, как желанием помочь тем силам на родине, которые стали во враждебные отношения друг к другу. В. Вересаев дает извлечения из письма Гоголя А. О. Смирновой от 28 декабря 1844 года, но эти извлечения касаются только его материальных забот, главная же часть письма — а оно занимает в Полном собрании сочинений Гоголя семнадцать страниц — опускается, остается за скобками книги. А именно в этом письме Гоголь объясняет своей корреспондентке причины, приведшие его к решению издать книгу переписки. Он пишет А. О. Смирновой о расколе, который застал в России, об образовании воюющих партий, о претензии каждой партии на истину.

В. Вересаев смотрит на «Выбранные места...» как на ошибку, его цель — поднести нас к признанию справедливости Белинского, который назвал факт публикации «Выбранных мест...» падением, а в идеях Гоголя усмотрел болезнь, гордыню и желание «небесным путем достичь земных целей».

Контекст вересаевской книги как будто подтверждает это, особенно последнюю мысль, ибо в письмах Гоголя, используемых В. Вересаевым, все время звучит призыв о помощи, просьбы о деньгах, о пенсионе, об единовременном пособии,

о снисхождении к участи бедного писателя. Этот подбор цитат, чередующихся со ссылками на болезни, многочисленные приступы и припадки, одолевающие Гоголя, должен создать у читателя впечатление, что податель сих просьб мало того, что был «глубоко болен», еще и жил на средства царского дома.

Но достаточно непредубежденными глазами взглянуть на интонацию, которую избирает Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» по отношению к Николаю I, — интонации вовсе не искательной, а поучающей, дающей ему право подавать советы царю и намекать, что если тот не воспользуется ими и не уподобится в своем правлении Царю Небесному, то не сможет быть отцом народа, поводом его.

Можно все это отнести к гордыне Гоголя, а можно и к пониманию им миссии поэта, который указывает царям, как править. Недаром в «Выбранных местах...» на первое место среди исторических героев книги поставлен поэт, Пушкин, и лишь Христос стоит выше поэта.

В. Вересаев опускает ту фразу из письма Гоголя А. О. Смирновой от 28 декабря 1844 года, где тот пишет: «С тех пор как я оставил Россию, произошли во мне великие перемены. Душа заняла меня всего». А это ключевая фраза для понимания его состояния в сороковые годы. Она, впрочем, не противоречит всем предшествующим исканиям Гоголя, но делает акцент на том, на какой путь выходит окончательно душа Гоголя, а стало быть, и его творчество.

Еще в брызжущих весельем «Вечерах на хуторе близ Диканьки» звучит мотив оплакивания быстро гаснущей жизни. Он покрывается затем шумным карнавалом «Ревизора», этой игрой масок, этим буйством вранья, которое тоже взрывается в финале отчаянным воплем городничего.

Блики этой игры падают и на отношения с Пушкиным — отношения, которые в жизни Гоголя значили, может быть, больше, чем любая привязанность и любая страсть. Нет в России людей, более близких в то время, чем Пушкин и Гоголь. Это близость поэтическая, творческая. Гоголь и боготворит Пушкина, и подсмеивается над Пушкиным, он не знает ему подобных в русской литературе и русской жизни, и он уезжает из России, не простившись с Пушкиным. «Даже с Пушкиным я не успел и не смог проститься», — пишет он Жуковскому, — впрочем, он в этом виноват». Тут слышатся и обида и гордость, покрывающие противоречие, в которое неминуемо должны были войти творческие отношения двух поэтов. Пушкин уже завершал свой путь, Гоголь лишь начинал.

Но еще об одном факте все же упомянем: сжигая в ночь на 12 февраля свои бумаги, Гоголь

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ. ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ГОГОЛЯ

Взгляд Гоголя на литературное творчество

Гоголь относился к писательству как к делу святому и Богоподобному. Известно, что Гоголь воспринимал истинное искусство как своего рода священнослужение Богу. И нарушение этого служения он считал великим грехом. «...Клянусь! — пишет он Аксакову. — Грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня. Только одному не верующему словам моим и не доступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен, я умер теперь для всего мелочного».

И Аксаков знал это в Гоголе: «Как слышна искренность убеждений... в этом письме в великость своего труда как в благоую, свыше назначенную цель всей своей жизни!»

И тогда становится понятной «связь» его веры и художественного творчества: искусство — Богоугодное дело. «Искусство есть примиренье с жизнью»... Во время чтения душа исполняется стройного согласия, а по прочтении удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается в сердце движение негодования противу брата, но скорее в нем струится елей всепрощающей любви к брату. И вообще не устремляешься на *порицанье* действий другого, но на *созерцанье* (курсив Гоголя. — *Авт.*) самого себя».

В своих письмах Гоголь часто называет искусство «святыней». «Что нас свело, неравных годами? Искусство, — пишет он Жуковскому. — Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства. Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что, прежде чем понимать значение и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свиданья нашего оно (искусство. — *Авт.*) уже стало *главным и первым* в моей жизни, а все прочее — *вторым* (курсив Гоголя. — *Авт.*). Мне казалось, что уже не должен я связываться никакими другими узами на земле, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще

я не давал себе отчета... что должно быть предметом моего пера, а уже творческая сила шевелилась... Правда, что, еще бывши в школе, чувствовал я временами расположение к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению. Впоследствии присоединилась к этому болезнь и хандра. И ...[они] были причиной той веселости, которая явилась в моих первых произведениях: чтобы развлекать самого себя, я выдумывал без дальнейшей цели и плана героев, становил их в смешные положения — вот происхождение моих повестей! Страсть наблюдать за человеком, питаемая мною еще сизмала, придавала им некоторую естественность».

Следовательно, корни творчества лежали в душе Гоголя. Постепенно же с ним произошел «переворот» (по его собственным словам). Но, как мне кажется, лучше сказать «духовный рост».

...Кстати, позволю себе высказать мнение о «Вии» — одном из первых произведений Гоголя. Обычно на это творение смотрят как на пустое народное поверье. Я же думаю, что здесь была действительная вера в существование бесов как в народе, так и у самого Гоголя... Тем более, что он не раз упоминает о своих «видениях». В диавола он верил по-православному, но говорить об этом прямо тогда еще не мог и выпустил «Вия» как народную фантазию...

Однако в нем остались прирожденные два свойства: юмор и размышление (или углубленность). Он пишет: «...мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня... что я наконец задумался». Вот тут выступило другое свойство: размышление. «Рассмотрите меня и мою жизнь среди вас, — пишет Гоголь С.Т.Аксакову. — Что вы нашли во мне похожего на ханжу или хотя на это простодушное богомольство и набожность?... Разве нашли вы во мне слепую веру во все без различия обычаи предков... или увлечение новизною, соблазнительной для многих современностью и модой? Разве вы заметили во мне юношескую незрелость?... Разве открыли во мне

нована направленностью его к искоренению недостатков в себе самом — и таким образом, он идет путем внутренним. «Говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению, нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, — словом, нужно сделаться лучшим» (Н. В. Гоголь, «Авторская исповедь»).

Условно жизнь и творчество Гоголя можно разделить на два периода — рубежом будет 1840 год. Летом 1840 г. Гоголь за границей пережил тяжелые приступы «нервного расстройства», «болезненной тоски» и, не надеясь на выздоровление, он даже написал духовное завешание. Но затем последовало «чудное исцеление». Ему открылся новый путь. Начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления. В «Истории моего знакомства с Гоголем» Аксаков свидетельствует: «Да не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях, напротив, с юношеских лет он оставался им верен. Но Гоголь шел постоянно вперед, его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели писателя яснее и суд над самим собой суровее».

У Гоголя постепенно вырабатываются аскетические устремления. В апреле 1840 г. он писал: «Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской».

В июне 1842 года Гоголь уезжает за границу — и там религиозное настроение начинает преобладать в его жизни. Г. П. Галаган, живший с ним в Риме, вспоминал: «Гоголь показался мне уже тогда очень набожным. Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную. Я видел, что и Гоголь вошел, но потом потерял его из виду. Перед концом службы я вышел в притвор и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу ... на коленях. При известных молитвах он бил поклоны».

Гоголь принимает за чтение книг духовного содержания, в основном, святоотеческой литературы. Письма Гоголя этого периода содержат просьбы о присылке книг по богословию, истории Церкви. Друзья шлют ему творения святых отцов, труды свт. Тихона Задонского, свт. Димитрия Ростовского, епископа Иннокентия (Борисова), журналы «Христианское чтение». Присланное Языковым «Добротолюбие» стало для Гоголя одной из настольных книг. Он изучает чино-последования Литургии св. Иоанна Златоуста и Литургии св. Василия Великого на греческом языке.

Гоголь начинает работать над книгой «Размышления о Божественной Литургии», в которой органично сочетаются богословская и художественная стороны. Это один из лучших образцов

духовной прозы XIX века. В книге воплощен и личный опыт Гоголя, его стремление к постижению литургического слова. «Для всякого, кто только хочет идти вперед и становиться лучше, — писал он в «Заключении», — необходимо частое, сколько можно, посещение Божественной Литургии и внимательное слушанье: она нечувствительно строит и создает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату». Во время путешествия писателя в Святую землю в феврале 1848 года первая редакция книги уже была закончена. Затем Гоголь неоднократно возвращался к рукописи, перерабатывал ее, но издать так и не успел. В отличие от второго тома «Мертвых душ», который все ждали, о «Размышлениях» мало кто знал — Гоголь хотел выпустить эту книгу без своего имени, пустить в продажу по низкой цене — сделать это сочинение действительно народным, доступным для всех сословий.

Впервые «Размышления о Божественной Литургии» были изданы в Санкт-Петербурге в 1857 г. малым форматом, как того хотел Гоголь, но при этом не было выполнено его второе желание — издать ее без имени автора.

С 1920 года на протяжении семи десятилетий эта книга не переиздавалась, о ней знали только узкие специалисты да биографы писателя. Малоизвестными и сегодня являются духовные сочинения его «Правило жития в мире», «Светлое воскресенье», «Христианин идет вперед», «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве». Эти труды Гоголя — настоящий клад духовной православной мудрости, до сих пор скрытый под спудом. Действительно, «в нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы».

Н. В. Гоголь мечтал об объединяющей, руководящей и просвещающей роли Церкви в обществе. Господь сегодня нам предоставляет шанс вернуть Православной Церкви главенствующую роль в духовной жизни общества. Для нас православный духовный опыт Гоголя актуален как никогда.

духовных споров в России, когда вновь открыто столкнулись разнонаправленные общественные силы. С одной стороны, выступали преемники идеологии тех врачей, которые пользовали Гоголя на рубеже 1851 — 1852 годов. Они утверждали, что Гоголь был болен как душою, так и телом, и что лечили его правильно. С другой стороны, находились терапевты и психиатры, доказывавшие обратное. Как заметил в 1906 г. доктор Каченовский, «несогласия у психиатров в определении душевной болезни Гоголя как нельзя более доказывают отсутствие всякой душевной болезни у Гоголя». Другой знаток врачевания, Н. Баженов, в 1902 г. попытался примирить противоположные взгляды: «грех осуждать лечивших Гоголя врачей, <...> но наука наша была так еще несовершенна, а методы лечения были употреблены столь неправильные, что одною из причин кончины Гоголя приходится считать неумелые и нерациональные медицинские мероприятия»; Гоголь скончался от «истощения и острого малокровия мозга, обусловленных как самою формою болезни («периодической меланхолии») и сопровождающим ее голоданием <...>, так и неправильным ослабляющим лечением, в особенности кровопусканием».

Если исходить из основного первоисточника, а именно, из свидетельств известного и опытного врача А.Т. Тарасенкова, то приходится признать, что писателя старались не исцелить, а убить, причем убить мучительно — настолько вопиюще не соответствовали «болезни» избранные приемы лечения. Впечатление усиливается странно поспешными (в данном случае) похоронами после едва наступивших и далеко не полных признаков смерти. Снявший с Гоголя посмертную маску скульптор Н.А. Рамазанов оставил свои свежие воспоминания: «Когда я подошел к телу Гоголя, он не казался мне мертвым. Улыбка рта и не совсем закрытый правый глаз его породили во мне мысль о летаргическом сне, так что я не вдруг решился снять маску». Свидетельство Рамазанова появилось вскоре после гибели писателя — в «Московских ведомостях».

Гоголя похоронили как обычно, спустя три дня после установления смерти, а между тем он всю Россию предупредил о своей склонности к некоему замиранию телесной жизни, вроде летаргического сна. С этого предупреждения он начал «Завещание» (1845 г.), обнародованное в составе «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «I. Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться... Будучи в жизни своей свидетелем многих печальных событий от нашей неразумной то-

ропливости во всех делах, даже и в таком, как погребение, я возвещаю это здесь в самом начале моего завещания». Многие современники не поверили сообщениям о смерти Гоголя, и сразу же стали распространяться слухи о погребении заживо.

У православно мыслящих читателей сложилось свое объяснение трагической судьбы Гоголя. Еще в 1848 г. архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) усмотрел в гонениях, воздвигнутых на писателя за исповедание веры, действие двух духовных сил, изначально враждебных христианству: во-первых, «наследников христубийственных» иудеев, для которых православное исповедание веры — «соблазн», во-вторых, — «преемников язычества», для которых вера во Христа — «безумие». В этот ряд стала и третья сила — прямое безбожие, воинствующая бездуховность, стремительно овладевавшая обществом на исходе жизни Гоголя.

Свой последний Великий пост писатель, пока не мешали лекари, проводил в возвышенном молитвенном состоянии. Среди близких сохранилась такая память: «Гоголь, стоящий четыре дня на коленях не вставая, окруженный образами, [говорящий] тем просто, которые о нем заботились: «Оставьте меня, мне хорошо»» (письмо В. А. Жуковского к П. А. Плетневу от 17/5 марта 1852 г.). По свидетельству П. А. Кулиша, в те дни Гоголь питался «одною просфорой, уклоняясь, под различными предлогами, от употребления более сытной пищи». И в то же время «он проводил большую часть ночей в молитве, без сна».

К такому пощению, присущему лишь выдающимся подвижникам, Гоголь готовился издавна. Еще в 1843 или 1844 г. он сделал выписки из статьи «О посте», напечатанной в «Христианском чтении». Образцом для писателя стал полный сорокадневный пост Иисуса Христа в пустыне. Из той же статьи Гоголь выписывает: «Сколько отнимешь у тела, говорит Василий Великий, столько силы предашь душе». Вот этой мистики христианской жизни и не могли понять современные писателю врачи.

Размышляя о Гоголе, оптинский старец Варсонофий заметил: «Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял <...>, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий (преподобный Макарий Оптинский) не взял меня к себе в скит?» Можно догадываться, что старец Макарий видел призвание Гоголя именно в словесном, художественном, но по духу сокровенно монашеском, служении Богу и людям посреди сетей мира сего. Собственно, и сам Гоголь в последние годы жизни понимал свое творчество как род монашеского служения: «это составляло единственный предмет всех моих

Содержание:

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Свет добра и духовности. Очерк жизни и духовные искания Н.В. Гоголя. (Урок-портрет в восьмом классе)	5
Взгляд Н.В. Гоголя на художественное творчество	12
Поиск человека в повестях Н.В.Гоголя«□Шинель»»и«□Портрет»	15
Уроки исследования по повести Н.В. Гоголя «Шинель» (<i>Опыт совместного прочтения — в поисках концепции</i>)	18
«И человечество двинется вперед» (<i>Духовные поучения Н.В. Гоголя по книге «Выбранные места из переписки с друзьями» и по письмам писателя</i>)	23
«Благословенные годы» детства и юности Н.В. Гоголя	28
Тема сострадания и любви в повести Н.В.Гоголя «Шинель» (<i>исследование</i>)	32
Сокровенные тайны Гоголевского «Портрета» Реферат с элементами исследования	38
Символотворчество Н.В. Гоголя в комедии «Ревизор»	43
Гоголь и Розанов: битва насмерть	49
Образ православного храма в Законе Божиим и «темного» храма в повести «Вий» Н.В.Гоголя	54
Мировоззренческая основа творчества Н.В.Гоголя	57
Духовные основы подвига в повести Н.В. Гоголя« «Тарас Бульба»	62
Судьба и вера Гоголя	67
В поисках истины.Духовные искания Гоголя	73

